

Сергей Панченко

ЖОРЖ ИНОМИРЕЦ

ИДДК

Жорж-иномирец

Сергей Панченко
Жорж-иномирец

«ИДДК»

2022

Панченко С. А.

Жорж-иномирец / С. А. Панченко — «ИДДК», 2022 — (Жорж-иномирец)

"Жорж иномирец" – фантастический роман Сергея Панченко, первая книга одноименного цикла, жанр попаданцы в другие миры, юмористическая фантастика, боевая фантастика. Не стоит игнорировать знаки судьбы, увидел задницу, остановись. Не остановился – получи... Получил? Осмотрись. Иногда, только хороший пинок помогает человеку увидеть мир вокруг себя, а если тебя пнул проходимец из других миров, готовь свой рассудок к серьезным испытаниям. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ТАБАКОКУРЕНИЯ. КУРЕНИЕ УБИВАЕТ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ, УПОТРЕБЛЕНИЕ КОТОРЫХ ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ И ПРОПАГАНДЫ. КНИГА ЗАПРЕЩЕНА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ ГРАЖДАН РФ МЛАДШЕ 18 ЛЕТ.**

© Панченко С. А., 2022

© ИДДК, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Панченко Сергей

Жорж иномирец. Книга 1

© Панченко Сергей

© ИДДК

* * *

Глава 1

В свете фар мелькнул силуэт голого мужика, отсвечивающего бледными ягодицами. Он пронесся наискось по шоссе, высоко задирая ноги и пугливо озираясь. Судя по всему, его пугал совсем не автомобиль, пусть и быстро несущийся. Из тьмы тем же курсом выскочила лохматая тень. Я уже ничего не мог поделать. Когда моя нога коснулась педали тормоза, мохнатое животное, принятое мной за медведя, стукнулось о капот, потом влетело в лобовое стекло, высадив его внутрь салона. Подушка ударила меня в лицо, выбив дух. Последнее, что я помнил, это свист тормозов.

– Ты как, мужик? – спросил голос.

Я попытался открыть глаза. Было темно, хоть глаз коли. Голова раскалывалась от боли. Попробовал открыть рот и почувствовал, что этому мешает засохшая кровь.

– Как машина? – спросил я, когда мне удалось разлепить губы.

– Машина? Да хрен с ней, с машиной. Главное, ты сатира грохнул, молодчина. Я у тебя в долгу. Воистину удача, что ты оказался на дороге в этот момент.

– Кого я грохнул? – Мне показалось, что удар породил в моем сознании звуковые галлюцинации.

– А, забей. Тварь такая, гналась за мной.

– Ты почему голый бежал?

– Как «почему»? Потому что меня этот сатир с его женой застучал. Ты бы видел ее: нимфа, красивая – не описать. Глянет на тебя – и все, маму родную продашь за этот взгляд. А они на этом не останавливаются. Знаешь, какие охочие до мужиков? А мужья их, сатиры гребаные, ох какие ревнивые!

От звуков голоса говорившего и от того бреда, что он нес, голова разболелась еще сильнее.

– Заткнись, пожалуйста, – попросил я его.

– Сам заткнись. Будешь дерзить – сделаю так, чтобы убийство ревнивца повесили на тебя.

Я закрыл глаза, все равно ничего не видно. В спину колола жесткая стерня. Видимо, мужик стащил меня с дороги на скошенное пшеничное поле.

– У меня в машине аптечка, там анальгин есть, принеси, – попросил я.

– Сейчас.

Ноги еле слышно затопали по мягкой почве. Я приподнялся на локте. Моя машина светила на дороге одними задними фонарями. Надо было звонить в скорую и ГИБДД, чтобы зафиксировать дорожно-транспортное происшествие. Телефон лежал в нагрудном кармане пиджака. В ответ на прикосновение экран его загорелся, но, к несчастью, набрать на нем уже ничего было нельзя. От удара он весь покрылся сетью трещин, обрамленных черными разводами растекшихся кристаллов. Надо было идти к дороге, остановить машину и попросить людей вызвать службы.

Подъем дался мне с трудом. Хорошо, что не болело ничего, кроме головы в целом и лица в частности. Я заковылял в сторону красных фонарей. Машину жалко, очень жалко. Она была почти новенькая, пятилетняя, и стоила мне половину зарплаты ежемесячно. После ее покупки я даже осанку сменил. Вот что хорошая вещь делает с людьми.

– Эй ты, спаситель, а что такое анальгин?

Мужик, до сих пор голый, ковырялся в багажнике, разбрасывая мое имущество прямо на дорогу.

– Уйди, я сам найду.

Аптечка лежала в боковой нише багажника, прикрытая панелью. Я оторвал от упаковки две таблетки и разжевал их. Нашел на заднем сиденье бутылку воды, которая до аварии стояла у

меня под рукой. Запил отвратительный вкус таблеток прямо из горлышка. Мужик стоял рядом и наблюдал за моими действиями.

– Белая горячка? – догадался я.

– Что – «белая горячка»?

– У тебя белая горячка? Ты в запое, что ли?

– Извини, ты о чем? – Мужик сделал вид, что не понимает.

Я принюхался, пытаюсь уловить знакомые нотки перегара. Ничего не чувствовалось.

– Ни о чем. Телефон есть? – спросил я и сразу осекся. – Тьфу ты, черт, куда же ты его положишь?

– Нет, у меня, как у латыша, хрен да душа.

– Покажи мне, кого мы сбили? – Очень хотелось увидеть того медведя, которого этот сумасшедший называл сатиром.

Хотя, может быть, этот медведь и домогался его. Какая-то прелюдия, судя по виду мужика, у них была.

– У тебя фонарь есть? – спросил сумасшедший.

Прямо на дороге валялся аккумуляторный фонарь, который должен был лежать в багажнике. Я поднял его. Боль невыносимо запульсировала в голове.

– М-м-м, гадство.

Сумасшедший вырвал его из моих рук и пошел прямо по черным следам торможения, оставшимся на асфальте. Я направился следом. Шагов через двадцать мы остановились у черной мохнатой массы, рядом с которой уже засохла лужа крови. Я еще не мог понять, что вижу. Отключенная в сторону нога оканчивалась раздвоенным копытом.

– Это кто, корова? – предположил я.

– Сам ты корова. Я же говорю, это сатир.

Сумасшедший перевернул тушу для наглядности. От того, что я увидел, по телу пробежал ледяной озноб. На дороге лежал черт, самый настоящий, словно сошедший со страниц «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Рога и пяточок имелись, и даже куцый хвост.

– Он бы убил меня с одного удара. Представляешь его силищу? – Мужик потрогал могучий волосатый бицепс черта. – Зато, когда я на его нимфу забирался, думал: пусть убивает, ради такой красоты можно и жизнь отдать. Дебил. Вот что бывает, когда не тем местом думаешь.

Меня накрыло. Я ничего не понимал и не мог серьезно относиться к тому, что вижу и слышу. Оказывается, чертей можно видеть не только при белой горячке, но и рядом с тем человеком, у которого она случилась. В том, что голый незнакомец страдал каким-то расстройством психики, сомневаться не приходилось.

– Ты чего замер? Плохо? – спросил мужик.

– Сам-то как думаешь? Корову от черта отличить не могу.

– Ну, это дело привычки. Мне поначалу иномирцы тоже казались не такими, как есть.

– «Иномирцы»?

– Я всех так называю, кто не с Земли. Сам-то я местный, почти отсюда.

– Откуда?

– Из этих мест, – расплывчато ответил сумасшедший.

– Слушай, мужик, заткнись, пожалуйста. Дай сосредоточиться. – Меня вывел из себя этот болтун, мелющий языком что ни попадя.

– На, сосредотачивайся. – Сумасшедший сунул мне в руку фонарь. – У тебя есть в машине, что накинуть на себя? А то адреналин заканчивается, и я начинаю зябнуть.

– Нету, – ответил я со злостью.

– Я все равно проверю.

Мужик затопал босыми ногами по асфальту. Я направил луч фонаря на мохнатое существо, ожидая, что зрение наконец-то откроет мне его настоящую и привычную суть. Но нет, передо мной все так же лежал черт. Из продолговатой пасти его высунулся фиолетовый язык. Я нагнулся, чтобы потрогать его. Другие мои органы чувств могли быть не задеты, чтобы открыть мне правду в иных ощущениях. Язык на ощупь оказался шероховатым, как у коровы. Рожки на голове ощущались так же, как выглядели. Пятачок был холодным и мокрым. Я сунул два пальца в ноздри, в надежде, что они мне кажутся. Пальцы лишь подтвердили: все, что я видел, – правда.

Вдалеке показались огни. Наконец-то хоть кто-то решился проехать этой дорогой посреди ночи. Я отошел чуть дальше от трупa мохнатого существа. Кем бы оно ни было, я не хотел, чтобы оно спугнуло редкого водителя.

Замахал руками, пытаясь привлечь внимание. Но водитель, похоже, был из робкого десятка: проскочил мимо меня, не сбавляя скорости. На его месте я поступил бы так же. Вдруг корма машины озарилась яркими стоп-сигналами. Засвистели тормоза, и зашуршали колеса по асфальту. Машина остановилась и сдала назад. Поравнялась с моей машиной, а потом проехала до меня. К тому моменту я уже стоял возле трупa существа, похожего на черта. Тогда я не имел права думать, что то, что видел своими глазами, на самом деле выглядело так, как выглядело.

– Что случилось? – спросил голос из машины.

– Корову сбил, – ответил я.

Хлопнули дверцы. Я направил луч фонаря в сторону вышедших из машины людей. Мужчины и женщина в возрасте.

– У меня выстрелила подушка и разбила телефон. Я не могу вызвать ни ГИБДД, ни скорую.

– Вам требуется помощь? У вас в машине есть пострадавшие? – участливо спросила женщина.

– Нет, я был один.

Я направил луч фонаря себе в лицо, чтобы показать повреждения на нем, которые я ощущал.

– Ой! – Женщина вскрикнула.

– Ну и рожа у тебя, – произнес мужчина. – Корова где?

Это был момент истины. Здоровые люди должны были открыть мне глаза (которые на самом деле здорово закрылись припухшими веками) на правду. Я направил луч фонаря на сбитое существо. Спустя секундное молчание раздался пронзительный крик женщины. От него резко заболела голова и заныли барабанные перепонки.

– Леша! Бегом отсюда! Это чертовщина! Нечистый нас водит!

Двери машины с грохотом захлопнулись. Автомобиль с пробуксовкой умчался в ночь, оставив меня в еще большем замешательстве. Подошел сумасшедший.

– Слушай, я у тебя чехлы с сиденья снял. На них даже прорезь под голову есть. Надо только под руки проделать. У тебя нож где?

Я ответил жестко, в рифму.

– Не советую там искать. Ничего, кроме проблем, там не водится. Только что оттуда еле ноги унес. – Мужик пытался проделать отверстия в чехле руками, но ткань не поддавалась.

– Мужик, иди куда шел, в смысле, бежал, и отстань от меня, и чехол верни.

Сумасшедший как-то неопределенно хохотнул. Я не понял, какая часть моей просьбы показалась ему смешной.

– Не верну, мне холодно. И еще: если тебе кажется, что у тебя сейчас проблемы, то будь уверен – это только их начало. Ты убил сатира, а сатиры такое не прощают. На твоём месте я бы бежал без оглядки сквозь миры.

– Как ты бежал?

– Быстрее. Я ведь просто переспал с его женой, что тоже нехорошо, а ты его грохнул, а это другой расклад. Мне страшно даже представить, что они предпримут, когда узнают об этом.

– Что ты несешь? Нет никаких сатиров, а ты алкаш из деревни какой-нибудь поблизости.

– Не хочешь, не верь, дело твое. Но когда тебя привяжут к кольцу и начнут четвертовать, не кричи в толпу: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?»¹ Меня там не будет. А знаешь ли ты, как тебя будут мучить перед казнью сатиры? И не спрашивай. Никакому мужику такое не понравится.

Меня порядком достал этот чокнутый. Все, что мне было нужно, это отдых, чтобы восстановить силы и, самое главное, мой мозг, который так жестоко меня подвел. Передние сиденья устланы битые стекла. Я завалился на задний диван почти в полный рост. Включил салонный фонарь. Точно, с пассажирского сиденья чехол снят. Встретился ли этот мужик на самом деле или все события мне нарисовал травмированный мозг? Я попытался вспомнить, не сдавал ли чехол в чистку, не проливал ли на него кофе или кетчуп. Нет, единственное воспоминание было связано с мелькнувшей в темноте задницей. Тьфу.

За машину не так страшно, как за собственный рассудок. Что, если я больше не смогу отличать явь от фантазии? Меня ведь упекут в дурдом. Все решат, что у меня случилась белая горячка, потому что я сбил черта. Интересно, кого я сбил на самом деле? Ничего, скоро приедет полиция. Истеричная мадам наверняка уже оповестила все службы. Может быть, и с ней судьба сведет в дурдоме. Она так визжала...

– Эй, как тебя, не знаю, кто-то открыл проход сюда совсем рядом. Мамой клянусь, это за нами!

– Пошел вон! – Я ткнул ногой в окно, чтобы попасть в морду чокнутому.

Ткнул в воздух, потому что никакого чокнутого не существовало на самом деле.

– Слушай, я не шучу. Ты меня спас, поэтому позволь отдать долг, чтобы карму не портить.

– Мою жизнь ты испортил, а свою карму не хочешь?

– Не хочу. Мне придется сделать это силой.

Открылась дверь, и меня за ноги вытащили наружу. Я едва не расшиб лицо о порог, а потом и об асфальт. Вскочил и собрался отвесить тумачков этому докучливому сумасшедшему. Занес кулак, но остановился. Откуда-то из тьмы приближался неясный шум, похожий на бег стада буйволов. Вживую я, конечно, не слышал, как они бегут, но мог представить.

– Что это?

– Это за нами.

Мужик схватил меня за руку и дернул изо всех сил на себя. Я не понял, как так получилось, но мы свалились на траву среди бела дня в неизвестном месте. Хотелось списать это на отбитый подушкой безопасности рассудок, но что-то подсказывало мне, что все происходит взаправду.

– Куда это нас?.. Где мы? Что за хрень творится?!

– Я спасаю наши задницы – в прямом и переносном смысле. – Сумасшедший, выглядевший при дневном свете не таким уж и сумасшедшим, поправил задравшийся чехол. – Не благодари, я твой должник.

– И не собирался. Кто ты такой? Что происходит?

– Объясню, но чуть позже. Сатиры унюхают наш след и явятся сюда с минуты на минуту. Надо их запутать.

Калейдоскоп странных видений замелькал передо мной. Наверное, так бывает у людей, принявших тяжелый наркотик. Секунда – и перед глазами новая картинка: лес, горы, вода, огонь, вулкан, ураган, джунгли, динозавр, пытающийся отложить яйцо нам на голову, бескрай-

---

¹ Н. В. Гоголь, «Тарас Бульба».

ний снег, монгол с луком, какой-то лязгающий механизм с сильным запахом дыма, город с висящими в воздухе зданиями, ночь без звезд и шесть лун. Меня затошнило, вырвало, и я упал. Сил подняться не было никаких.

– Устал? Это с непривычки. Если хочешь быть здоров, делай с утра пробежку по мирам – бодрит и закаляет.

– Что происходит, мужик? Я погиб в той аварии, а ты мой проводник на тот свет? Мы стремимся к вратам рая, а за нами по пятам несутся черти? – Мое предположение даже мне самому показалось довольно логичным.

– Ну, мягко говоря, нет, ты жив. Помереть, как говорится, всегда успеем.

– Ладно, чувствую, адекватного ответа я от тебя все равно не дождусь. Да и есть ли ты на самом деле? Воспаленный бред умирающего тела.

– Что-то долго ты помираешь тогда. Все коматозники рассказывают про тоннель и свет в его конце, а тебе что, по индивидуальной программе видения подключили? Все по-настоящему. Ты – жертва обстоятельств, я – похоти. Пока нам по пути. Еще пару сотен миров пробежим, и можно будет взять отдых на сутки.

– О каких мирах ты говоришь?

– О таких, через которые я тебя протащил. Ты что, ничего не заметил?

– Это было похоже на наркотические галлюцинации.

– Сам ты похож на наркотическую галлюцинацию. С твоим-то кругозором, полученным в общеобразовательной школе, только о мирах и спрашивать. Ты кто?

– В смысле – «кто»? По профессии?

– По жизни кто. Ты слепец, который двигается на ощупь. – Мужик закрыл глаза и изобразил слепого, нащупывающего руками препятствия. – Мир другой, он сложный, но если его понять, то очень простой. Он как книжка, в которой бесконечное количество страниц. Ты жил до этого только на одной и то двигал пальчиком по одной строчке. Каждый мир – страница, а я читатель, который научился слюнявить палец и переворачивать их.

– Ты мне хочешь рассказать о параллельных вселенных?

– Каких вселенных? От слова «вселенная» веет чем-то непостижимым. Мир – чувствуешь разницу? В этом слове сразу представляешь всё и в первую очередь тех, кто в нем живет. А слово «вселенная» дышит космическим вакуумом и далекими звездами. Воображение – первая вещь, которая нужна для того, чтобы перевернуть страницу. Будешь воображать, как учили в школе, – попадешь куда-нибудь между Бетельгейзе и Ригелем и превратишься в замерзшую глыбу.

– Меня мутит. Кажется, у меня сотрясение мозга.

Пытаясь поверить в то, от чего я был далек и что казалось полным бредом, добился только того, что у меня снова начались рвотные позывы.

– А ты проблудись, выгони из себя всё, что мешает открыть глаза.

Меня вывернуло одной желчью. Еда закончилась еще в прошлый раз.

– Ничего, вот запутаем следы – отведу тебя на Сантию подлечиться. Местечко, я тебе скажу, райское.

– Не надо мне никаких местечек, домой хочу.

– А что дома? Разборки, исчез с места ДТП, труп сбитого человека припрятал, а сам сбежал. Зачем сбежал и где труп спрятал? – Мужик ткнул меня под ребра.

– Я корову сбил, там и шерсть, поди, осталась.

– Хорошо, где корова? Разделал и в морозилку, а может, продал оптом всю тушу?

– Разберусь, не маленький.

– Это хорошо, что ты дипломат высшей пробы. На надгробном камне так и напишу: «Ушел разбираться».

Меня взбесили его подколки. Я и так чувствовал себя разбитым и потерянным, а его шизофренические комментарии только усиливали мое тяжелое состояние.

– Пошел ты, мудака! – Гордо выпрямив спину, я направился вперед.

Куда я надеялся прийти? В первую очередь я хотел прийти в себя. Закончить весь этот цирк с мирами, погонями, придурком, одетым в чехол от сиденья. Хотел дать понять врачам, откачивающим мое пострадавшее тело, что их реанимационные действия должны принести пользу.

– Попробуйте электрошок! – крикнул я в небо. – Вколите адреналин в сердце! Я хочу жить! Мне тут не нравится!

Вдруг острая боль пронзила мою правую ногу чуть выше щиколотки. Я дернул и замотал ею, крича от боли.

– Это что, электрошок в ногу или мои родственники согласились на эвтаназию? – Небеса мне не ответили.

Мне стало интересно узнать, кто причинил мне такую боль. В камнях, спрятавшись среди чахлой растительности, сидело нечто, само похуже на колючку. В отличие от травы, ее конечности не трепало ветром. Они угрожающе шевелились сами по себе. Второй раз наткнуться на его колючки желания не было никакого.

Я обернулся. Мой придурочный друг смотрел на меня с ехидной усмешкой, уткнув руки в боки. Он что-то знал, а мне нужна была ясность. Ничего не оставалось, кроме как топать назад, внимательно глядя под ноги.

– Однажды, – начал рассказ мужик, когда я подошел достаточно близко, – меня попросили отвезти главбухшу одной крупной фирмы на демонстрацию, так сказать, миров, тяжелых для восприятия человеческой психики. Не хотели убивать ее, потому что деньги надо было вернуть, да и муж у нее в МВД не последним человеком числился. Так вот, она столкнулась лицом к лицу с таким ужасом, что тебе и не снилось, но при этом она держалась гораздо адекватнее тебя. Не бегала куда попало, не просила бога разверзнуть небеса и явить свою благодать.

– Так она просто готова была, знала, что в ад попадет. А меня-то за что?

– А ты что, святой? Извини, не заметил. У тебя в бардачке «Пентхауз» лежал. Молился на него? Покажи руки!

– Иди ты! Он там лежал еще у старого владельца. Ладно, веди меня, куда собирался. Чем раньше покончим с этим, тем лучше.

– Ха! Ты неисправим.

– Какой есть. – Я вдруг понял, что до сих пор не знаю имени мужика. – Тебя как зовут? Апостол Петр?

– Ты что, религиозный фанатик? Нет у меня одного имени. В каждом мире меня зовут по-разному. Некоторые из них ты даже не сможешь произнести, например, это.

Он набрал воздуха в легкие и изобразил череду разнообразных звуков. По мне, он просто кривлялся. Мужик покраснел на исходе воздуха и последние звуки изобразил надрывным сипом.

– Не дотянул до полного, – пожаловался он.

– Спасибо, но я не стану тебя звать этим именем. Как тебя зовут на Земле?

– Вольдемар.

– Что, прямо Вольдемар?

– Не только, еще Вован – юный падаван.

– Так ты Владимир?

– Пусть будет Владимир, хотя меня сто лет так не называли.

– Нет, пожалуй, Вольдемар тебе идет больше.

– Отлично. А ты кто?

– Я? – Почему-то в этих обстоятельствах мне не захотелось называть имя, данное мне родителями. – Жора, – представился я.

– Жора-обжора. Очень приятно.

Мы пожали друг другу руки. Только сейчас я внимательно рассмотрел человека, так неудачно пересекшего мне дорогу. Вольдемар, одетый в мой чехол, был смешон. Я представил его в обычной одежде, но почему-то ощущение, что он будет смешон и в ней, осталось. Кажется, дело в его глазах. Они выражали какую-то гипертрофированную несерьезность. В матерном языке есть отличный синоним слову «оболтус». Так вот, этот тип был самым натуральным оболтусом в матерном смысле. Несмотря на свой возраст, который я оценил в тридцать – тридцать два, его глаза выглядели лет на десять в лучшем случае.

– Ну что, Жорж, пора идти. – Вольдемар подскочил на месте и притопнул, будто застоявшийся конь от нетерпения.

– Пошли, раз надо.

Я сделал шаг и оступился. Нога, в которую меня кольнуло местное животное, онемела.

– Что? – Вольдемар глянул на меня подозрительно.

– Кажется, эта колючка была ядовитой.

– Черт! – Мой спутник нервно забегал вокруг. – Прибить тебя, чтобы не достался живым? Что? – Он уловил страх в моих глазах. – Еще спасибо скажешь. Чего сразу не отсосал-то яд?

– Я не знал, что она ядовитая!

– Не знал он. Надо понимать, что мы из другого мира и местный может быть для нас очень опасен из-за низкой резистентности нашего иммунитета к чужой заразе. В другой раз, если выживешь, когда тебя кто-то ужалил, укусит или плюнет в глаз, сразу отсасываешь. В смысле яд.

– Как из глаза-то?

– Попросишь кого-нибудь, если жить хочется. Ну-ка, сделай шаг.

Я оперся на больную ногу. Она была словно не моя, как протез. Быстро подставил здоровую, чтобы не упасть.

– Ясно. – Вольдемар упер руки в боки, отчего чехол растопырился в стороны колокольчиком. – Надо искать транспорт.

– Я могу потихоньку идти.

– С такой скоростью мы попадем только в одно место – на эшафот. Оставайся здесь, я скоро верну...

Вольдемар исчез, не успев договорить. Только что стоял передо мной и, сделав незаметное движение, растворился в воздухе, будто его и не было. Я огляделся. Серая каменная полупустыня от горизонта до горизонта. Жаркий ветер неспешно полировал ее камни и трепал скудную растительность. Мне стало страшно. А что, если меня оставили здесь навсегда? Одного в неизвестном месте, из которого живым не выбраться. Паника заставила меня бессмысленно метаться. В моем состоянии это было похоже на неловкие ковыляния одноногого пирата по палубе в сильную качку. Я даже упал. Мое лицо оказалось рядом с животным, похожим на колючку. Это подействовало отвращающе. Не хватало, чтобы меня укусили в лицо. Если оно онемееет вместе с языком и мозгом, меня можно будет смело бросать здесь на произвол судьбы.

Пришла мысль: а если это место и есть тот мир, который я заслуживаю? Вот как я жил? Эгоистично, деньги любил, не уважал людей, реализовывал свое эго через дорогие вещи. В противовес этому получил вот такие камни, между которыми сидели ядовитые твари, выглядящие как гадости, совершенные мной при жизни. Не так я себе представлял потустороннюю жизнь. Чище, воздушнее, если хотите. Все в белом, как перышки, добрые, лучистые. С хрена ли? Жил как говно – так и прими, что заработал. Мне стало смешно, когда я представил своего начальника, до уровня злодейства которого мне было очень далеко. Его точно ждал котел с кипящей смолой. А мне – так еще и ничего расплата, если сидеть на месте, то и не страшно.

А вдруг это никакой не ад и не рай? Что, если все устроено так, как преподнес странный мужик? Тогда я мог умереть от теплового удара или обезвоживания. Вольдемар просил ждать его на этом месте. Хорошо, буду ждать, пока жажда не станет невыносимой.

Прошло гораздо больше часа. Какое-то нереальное белое светило над головой раскалило камни до такой степени, что они жгли мне ноги через подошву ботинок. На одежде выступили белые солевые пятна. Из моего организма постепенно уходила с потом вся влага. Язык царапал нёбо, а мысль податься куда-то за водой все еще казалась преждевременной. Наверное, я уже перешел грань, отделяющую силу воли от принятия смерти. Что ж, еще часок – и моя высохшая мумия будет пугать местных ядовитых существ.

Откуда-то послышался цокающий шум. Из-за сильного марева, закрывающего обзор, рассмотреть его источник было невозможно. Я решил, что шум производят здешние животные, мигрирующие к новым пастбищам или источнику воды. Последнее предположение меня заинтересовало, но чисто теоретически. Отравленная нога совсем отключилась от организма. Как я ни пытался на нее опереться, она безвольно сгибалась под моим весом.

Шум приближался, и вот в зыбком мареве появились нечеткие темные силуэты. До меня вдруг дошло, что я нахожусь на пути миграции этих животных и они, скорее всего, затопчут меня. В очередной раз стало страшно. Я заметался в поисках укрытия. Но где его было взять? Каменистая равнина, куда ни глянь, без единого выступа.

Силуэты обретали четкость с каждым метром. И вот уже можно было различить некоторые детали. Это были не олени, не буйволы или слоны местного галлюциногенного разлива, это были невообразимо страшные существа, аналогов которым в моем лексическом кругозоре не имелось. Однако меня больше напугали не они, а наездники. Это были те самые черти, или сатиры, как их называл Вольдемар. Кажется, я попал.

Принять бой, вооружившись камнями, или бежать? Я был жалок в обоих случаях. Сдаться с гордо поднятой головой? Вот это было хорошее решение. У меня даже созрел план свалить все на Вольдемара, а себя выставить его жертвой. Моя карма еще терпела такие вещи.

Я поднял руки вверх, показывая сатирам свое намерение сдаться. Они сбавили ход и перешли на рысь. Их луженые глотки издавали какие-то воинственные крики, будто им на пути повстречался не жалкий я, а огромное войско противника, для сражения с которым надо было довести себя до истощения, чтобы не бояться.

– Извините! Бес попутал! – крикнул я, но вдруг подумал, что упоминание беса может их оскорбить. – Это все он, мой похититель! Жуткий ловелас и садист-убийца!

Всадников было не меньше двадцати. Они сбавили ход и начали обходить меня полукругом. До чего же они были похожи на стереотипных чертей! Даже мохнатые кончики заостренных ушей – такие же, как у черта из черно-белого фильма про кузнеца Вакулу.

– Я вообще ни при чем. Тот, кто вам нужен, бросил меня умирать. Будь он проклят! – Я закашлялся.

От жажды и волнения влаги во рту совсем не осталось. Слова давались с трудом. Позади раздался шум, и в то же мгновение что-то крепко обхватило меня под ребра, оторвало от земли и швырнуло вверх. Я решил, что меня заарканили. Из любопытства не закрыл глаза, желая видеть, чего мне бояться.

Мой полет начался над головой существа, похожего на кентавра, продолжился над его лошадиным крупом и завершился в телеге, в которую тот был запряжен. Перед тем как свалиться на сено, увидел Вольдемара, пытающегося занять безопасный угол. Приземление было мягким.

Как только я свалился в телегу, кентавр рванул вперед. Ускорение было таким, что меня по инерции утянуло к заднему борту. Быстро меняющиеся картинки замелькали по бокам.

– Ух, успели! – Вольдемар хлопнул меня по плечу. – Ты как, не обделался?

– Спасибо, удержал. Я так высох, что даже обдeldываться особо нечем. Есть попить что?

Вольдемар сунул руку в сено и достал глиняный кувшин.

– Это медовуха, как пиво, только еще слабее. Пойдет?

– Пойдет, я сейчас даже серную кислоту выпил бы, лишь бы мокрая была.

Пряная, сладковатая медовуха текла мимо рта. Япил целую минуту и никак не мог напиться. Когда я оторвался, то ощутил, что нахожусь в легком опьянении. Мне стало гораздо легче.

– Что за транспорт? – Я кивнул в сторону кентавра.

– Кентавр, Ставрррр. – Последний звук Вольдемар произнес, шлепая губами.

Кентавр обернулся и помахал рукой. Я тоже махнул ему, полагая это неким знакомством. Несмотря на частично человеческий облик, предварительно я посчитал, что умственное развитие у такого существа тоже человеческое только частично.

– Он, Ставр этот, что, умом-то – как мы? – спросил я у Вольдемара.

– Ну, не стоит, конечно, меня и себя равнять. Умом он, скорее, как я.

– В смысле? Кто умнее из нас? – Я так понял, что Вольдемар невысокого мнения о моем уме. Заявления человека, одетого в чехол от сиденья, сложно было воспринимать серьезно.

– Я умнее и Ставррррр умнее.

– Как это ты определил мой интеллект? – В легкой эйфории от медовухи последствия пережитого страха почти не ощущались.

– Потому что ты не умеешь ходить через миры. Это отличный показатель уровня развития. Я могу, Ставррррр может, а ты нет. Извини, но ты идиот.

– Вот спасибо.

– Ничего, не расстраивайся. Не все потеряно. Ты идиот по воспитанию. Система, в которой ты жил, неспособна воспитывать умных.

– Хочешь сказать, что я смогу, как и ты, и этот полуконь скакать по мирам? Этому можно научиться?

– Ну, – Вольдемар неопределенно покачал головой, – староват ты для обучения, закоснел в своих взглядах. Если не сгинешь раньше времени, можем попробовать. И мне было бы проще не таскать тебя за ручку. И не называй его никак, кроме имени. – Вольдемар кивнул в сторону кентавра.

– Хорошо. Просто мне трудно так сразу воспринимать лошадь как равного.

– Это замечательные существа, пожалуй, самые бескорыстные из всех, что я знаю. А я знаю очень многих. Вот вы, люди, привыкли подчинять себе природу, а у них так, что не разберешься, кто кого подчиняет. Вот Ставррррр сколотил телегу и возит свое хозяйство в ней. Не поймешь даже на первый взгляд, кто у них там кем управляет.

– Слушай, а женщины у них такие же? В смысле, пятьдесят на пятьдесят?

– Нет, женщины – наоборот: голова от лошади, а низ от женщины.

– Да? Ну, в этом есть некоторый смысл.

Вольдемар заржал, даже Ставррррр обернулся.

– Какой ты доверчивый. Такие же, только женщины.

– И грудь есть, и вымя?

– А ты что, уже подумываешь, за что подержаться приятнее? Скажу тебе, они и трусов не надевают, одним хвостиком прикрываются.

– Фу, не надо мне таких подробностей. Просто интересуюсь. Представь себя на моем месте. Сатиры, кентавры, вся греческая мифология у меня перед глазами.

– То ли еще будет!

Кентавр сбавил ход и остановился совсем. Мир вокруг напоминал раннюю эпоху образования планеты. Багровое небо, вокруг множество дымящихся вулканов (некоторые выбрасывали лаву) и сильный запах серы. А еще это могло напоминать предбанник ада.

– Мы что, в аду? – Я перевесился через борт.

Деревянное колесо телеги стояло на едва заметной трещине, из которой выбивался дым.

– Да уж, мирок негостеприимный. Держись крепче, сейчас будем прыгать.

– Куда?

– Через огненную реку. Сатиры потеряют след.

– Какую реку? – Впереди была не река, а целое море лавы. – Он же не Пегас, летать не сможет?

– Держись и смотри! И не пытайся своим отростком нервной системы понять замысел.

– Готовы? – Ставрррр обернулся.

На удивление голос у него был абсолютно человеческий, очень глубокий и сильный.

– Готовы! – ответил Вольдемар.

Кентавр ударил копытом и резко рванул. Сотню он набирал, судя по ускорению, не больше чем за три секунды. Ставррррр неся прямо на лаву. Из-под его копыт летели искры. Совсем не к месту мне стало интересно, подкован он или нет. Горячий воздух бил мне в лицо, не позволяя открыть глаза, а увидеть последний момент своей жизни хотелось. И вот, когда осталось несколько метров до ее границы, я понял: нет никаких котлов с чертями, это просто аллегория, а меня за грехи собираются окунуть в раскаленный поток.

– Не-э-э-э-э-э-эт! – закричал я в надежде, что крик заставит меня проснуться или очнуться в своем теле.

Кентавр прыгнул и вознесся вместе с нами над жаркой лавой. Прыжок был мощным, но даже идиоту с Земли было понятно, что его не хватит, чтобы перепрыгнуть бесконечный поток. Я закрыл глаза, продолжая кричать, пока в лицо не ударил холодный воздух. Открыл глаза, и в этот момент телега приземлилась. От удара клацнул зубами и подлетел вверх.

Приземлился мимо нее. Повозка пролетела еще пару десятков метров, а я кувыркнулся по земле за ней следом.

– Чего не держался? – Вольдемар спрыгнул с телеги и подошел ко мне. – Цел?

– Еще не знаю. – Пошевелил руками и ногами.

Боли, как от перелома, не чувствовалось, саднило содранную кожу на локтях и коленях. Вольдемар помог мне подняться и забраться назад в телегу. Ставррррр смотрел на меня, будто чувствовал за собой вину в том, что я свалился на землю.

– Извините, это я виноват, не держался. – Во мне заговорила совесть.

– Больше прыжков не будет. Теперь можно не торопи-и-и-ться, – заверил меня кентавр, растягивая гласную.

– Да, теперь поедem не спеша. Сатиры больше нас не побеспокоят, – пообещал Вольдемар.

– Слушайте, раз нам больше ничего не грозит, может, отвезете меня домой? – Я сделал самый жалобный взгляд, какой умел.

Первым заржал кентавр. Его смех действительно больше походил на конское ржание. Огромные легкие, которых у него было в два раза больше моего, качали воздух будь здоров. Вольдемара тоже переломило от смеха пополам. Мне стало жалко себя, как ребенка, за которым вовремя не пришли родители, чтобы забрать из детского сада.

– Всё, ку-гук, поезд ушел, назад дороги нет, – сквозь смех ответил Вольдемар.

Меня опять накрыло, но в этот раз дикой яростью. В одно мгновение я возжелал смерти этому дегенерату, пересекшему мою жизнь и испортившему ее. Меня взбесила его рожа, глумящаяся над моим горем. Мышцы скрутило в тугой клубок и выстрелило в сторону Вольдемара. Злость настолько ослепила меня, что я ничего не видел, только чувствовал, как кулаки охаживают тело ненавистного мне человека.

Сильный удар в ребра, после которого я отправился в небольшой полет, отрезвил меня. Ставррррр пришел на помощь товарищу. Удар не прошел бесследно: у меня остановилось дыхание. Я выпучил глаза и открыл рот, как рыба, не имея возможности произнести ни звука. Кен-

тавр понял, в чем дело, схватил меня, будто щенка, и сделал мною, как куклой, несколько приседаний. Легкие отпустило, и я сделал глубокий вдох.

– Спа... спасибо, – поблагодарил я.

– Извините меня, – громогласно произнес Ставрррр. – Я испугался, что вы убьете его-го-го.

Вольдемар сидел на земле с разбитым в кровь лицом. Его одежда, вернее, мой чехол был разорван почти пополам. Вдруг он воздел руки к небу.

– Когда же это все закончится? – крикнул ввысь Вольдемар. – Когда я уже очищу свою карму?

Ставрррр молча поднял его и усадил в телегу, затем головой показал мне сделать то же самое.

– Я отвезу вас к ручью умыться, – пообещал он.

Телегу затрясло. Мы ехали по полю, подсакивая на пучках выгоревшей на солнце травы.

– Ты чего такой злой? – спросил меня Вольдемар после некоторого неловкого молчания.

– А ты чего хотел: испортить мне жизнь, а потом ржать в лицо и думать, что это нормально?

– Да я как-то не подумал, что это обидно. Я вообще не понимаю людей, которые привыкают к чему-либо. Какие могут быть привычки, когда мир такой большой и разный. Ну, я в том смысле, что ты спланировал жизнь наперед, не зная, что есть другой мир, на который здорово посмотреть.

– Да, у меня были планы, а ты их разрушил.

Вольдемар хотел ухмыльнуться, но вспомнил, чем это закончилось пять минут назад, и взялся за набухающий под правым глазом синяк.

– Потерпи чуток и поймешь, что все твои планы просто жалки по сравнению с открывающимися возможностями. Планирование жизни – самый страшный грех после десяти основных. Нет, я бы поменял его местами с чревоугодием. Да и не грех это вовсе. Что плохого в том, чтобы вкусно поесть?

– Я что, теперь никогда не смогу вернуться домой? – В настоящий момент меня это заботило сильнее, чем иерархия грехов в понимании моего спутника.

– Давай так: минуя все этапы принятия неизбежного, сразу остановимся на принятии? Ага?

– Ага.

– Сможешь, но это сложно. У тебя есть несколько вариантов. Миры, понимаешь ли, бесконечны, и чтобы выбрать тот, который нужен тебе, надо точно знать его, почувствовать, понятно?

– Не совсем.

– Ну, грубо говоря, проводник, который вернет тебя домой, должен быть сам из твоего мира, либо он бывал в нем прежде и помнит его характерные особенности, либо ты сам должен научиться этому делу.

– А ты что? Или Ставрррр?

– Я? Я не из твоего мира. Прости, но я транзитом, не задумываясь, оказался там. В тот момент мне было все равно куда, лишь бы подальше от обиженного сатира. Я понятия не имею, как его найти. Мы можем подобрать один из миллионов миров, похожих на твой.

– Не надо похожих, я домой хочу.

Вольдемар глубоко вздохнул и отвернулся.

– Вернемся к разговору чуть позже.

Ручей питался ледяными ключами. Холодная вода освежила меня. Я не постеснялся напиться прямо из реки. Вода была очень прозрачной и вкусной.

– Прости, что не сдержался. – Я решил извиниться.

Вольдемар любовался своим потрепанным отражением в зеркале ручья.

– До свадьбы заживет.

– Мы где-нибудь остановимся? – поинтересовался я. Тело и мысли желали отдыха.

– Остановимся. В таком месте, где не будем на виду. Почти все миры похожи друг на друга отношением к иномирцам. Власть считает опасными всех, кого не может контролировать. Мы – такие, как я, – всегда чувствуем себя занозами в чужой жопе. Даже если ты похож на жителей мира и прикидываешься своим, каким-то чудесным образом все происходит так, что власть ополчается на тебя.

– Это похоже на иммунитет. Ты чужеродное тело, а мир-организм пытается избавиться от тебя.

– Поэтому я и чувствую себя занозой. Но с другой стороны, есть такой момент: если ты хочешь возглавить какие-то силы в чужом мире, то все происходит так, будто кто-то с волшебной палочкой незаметно помогает тебе. Правда, до тех пор, пока ты не взберешься на самый верх. А потом всё резко меняется, и тебя уже ведут на казнь или пытаются отравить.

– А зачем тебе это? Власть и все такое?

– Интересно попробовать. Заниматься же чем-то надо. Шляться тоже надоедает.

– И что, ни разу не нашлось такого мира, в котором жили бы нормальные люди с нормальной властью?

– Был. Однажды занесло меня в такой мир, где слыхом не слыхивали о боге, дьяволе и в то же время жили мирно, любили друг друга, воевали понемногу, но так, вроде как понарошку, и были у них правила, которые реально не давали им устроить большую войну. И дернул меня черт рассказать им о боге. И все, конец пришел этому миру, еле ноги унес.

– Да уж, ирония...

– Миров, в которых спокойно живут иномирцы, очень маленький процент, меньше одной миллионной. Этот показатель коррелирует с количеством людей, умеющих ходить через миры: один на миллион.

– Слушай, выходит, не так уж и мало. В России только сто пятьдесят таких наберется, получается.

– Если повезет, одним из них станешь ты.

– «Повезет»? В последнее время с везением у меня не очень.

– Да, в твоём случае можно надеяться только на удачу. Чаще всего, практически всегда, способность приходит к потерявшимся детям. Их желание попасть домой – настолько еще незамутненное взрослыми представлениями о мире, что получается вернуться по короткому пути сквозь миры.

– А у меня замутненное. – Я вынужден был признать, что все стереотипы взрослых приняты с распростертыми объятиями. Для меня они были как раз показателем зрелого мышления.

Ставрррр кувыркался на берегу в золотом песке, будто раньше ни разу не видел его.

– У него что, насекомые? – спросил я.

– У него? Ты только при нем не спроси такое. Это самые чистоплотные существа в мирах. Просто радуется возможности покувыркаться. Может, оглобли натерли.

– Они всегда такие были?

– В смысле? Ты хочешь узнать, не продукт ли они гибридизации?

– Да. Они же как две половинки от разного.

– Ты не видел еще, какие бывают половинки. Я думаю, что они получились такими давным-давно, после того, как решили перейти на растительную пищу. Хочешь не хочешь, а желудок пришлось отпустить четырехкамерный. Чтобы его носить в себе, пришлось вырастить большое тело и дополнительные конечности. Получился такой кентавр.

– Они все умеют ходить, как ты, через миры?

– Все. Но жить в них не могут. Еда, которую они употребляют, растет только в их мире и не приживается больше ни в каком. Поэтому работают как такси. Побомбил полдня – и домой, на кормежку.

– Так это он бомбит? Я думал, он твой друг.

– Ну, мы подружились по дороге.

– Платить-то все равно придется?

– Я обещал ему машинное масло для смазки колес.

– А где возьмешь?

– В нашем конечном пункте.

Рядом с ручьем прямо из ниоткуда появились двое. Мужчина лет пятидесяти и подросток. Они увидели нашу компанию и почему-то не смутились при виде кентавра. Мужчина даже приветственно махнул рукой.

– Пойдем, Пиотта, здесь уже занято, поищем золото ниже по течению, – предложил взрослый своему сынишке.

Парочка исчезла за кустами.

– Они сказали – «золото»? – Я подумал, что ослышался.

– Наверно. Я равнодушен к нему.

Вольдемар упал навзничь и прикрыл лицо листом лопуха. Я поднялся и вошел в ручей. Ледяная вода сводила ноги. Порылся в гальке, устилающей дно, и сразу наткнулся на кусочек, похожий на золотой самородок. Вынул его из воды. Минерал был тяжелым для своего размера.

– Вольдемар, здесь полно золота! – Я подбежал к спутнику.

– Выбрось, от него одни проблемы, – ответил он лениво.

– Ага, как же! – Я засунул самородок в карман.

Мне как человеку, воспитанному в мире, где поклонялись золоту, такая мысль казалась не просто кощунственной, а дико глупой.

Вольдемар понежился на песке полчаса, потом резко вскочил и принялся делать зарядку.

– Ехать надо, а то Ставрррр скоро оголодает.

Кентавр согласно закивал головой. Поднялся и сам запряг себя в телегу.

Калейдоскоп картинок, раздражающий мой вестибулярный аппарат, снова замелькал перед глазами. Подобные же раздражающие и обрывочные мысли носились по моей черепной коробке. Как такое случилось со мной? Почему со мной? Как жить дальше? Есть ли смысл в такой жизни?

Когда в течение одной минуты картинка за бортом телеги перестала меняться, я понял, что мы близки к финалу приключения.

– Уже приехали?

– Да. – Вольдемар приподнялся. – Добро пожаловать в Транзабар, место, в котором не зазорно считаться иномирцем. Перекресток миров.

Кентавр въехал на живописный холм, поросший цветущим кустарником, испускающим тонкий и пряный аромат. С высоты открылся вид на огромный пестрый город. Пестрым он был из-за разного цвета крыш и ярких куполов зданий, возвышавшихся над основной застройкой. Город раскинулся от русла широкой реки, серебрившейся под солнцем, до густого темно-зеленого леса, простиравшегося до самого горизонта. Над городом парили странного вида летательные аппараты, многие из которых имели воздушные купола.

От величественного зрелища захватывало дух. Это вам не серые коробки многоэтажек. Город своим разноцветьем заранее настраивал душу на праздничный лад.

– Красив? – Вольдемар спросил, только чтобы услышать от меня положительный ответ.

– Да, – ответил я с придыханием.

– Это только начало, дружище. Такого повидаешь – домой не захочется.

Я ничего не ответил. Меня занимал открывшийся вид. Контраст с теми городами, к которым я привык, был разительным. Этот с холма показался мне каким-то средневековым. Возможно, из-за большого количества деревянных судов возле речного порта. Но это только добавляло интереса.

– Предупрежу сразу, это не казачья вольница. Законы здесь суровые, и их требуется выполнять неукоснительно. Везде, где пересекаются люди из разных миров, конфликт может начаться на ровном месте, поэтому будь терпелив и особенно осторожен с теми, кто не похож на нас. Их мировоззрение может кардинально отличаться от нашего. Не тычь в каждого пальцем, чтобы понять, какой он на ощупь и из чего сделан, и не смотри в глаза. Некоторые от этого бесятся, особенно кошачьи.

– Кошачьи?..

– А что такого? Где-то им природа дала карт-бланш на развитие. Некоторые из них довольны мило. Я говорю о кошечках. Не знаю даже, относится это к зоофилии или нет, но они меня заводят.

– Если они разумны, как мы, то не относится. Животными их назвать нельзя. Ставррррр же не лошадь?

– Да, по сравнению с ним ты больше животное.

– Почему?

– Потому что он с готовностью помог мне, а ты не мог помочь мне с одеждой.

– Да потому что нормальные люди голые по ночам не бегают.

– Ладно, ладно, забыли.

Мне показалось, что Вольдемар испугался того, что я снова потеряю контроль над собой и навалю ему.

Город встретил нас запахом уличной еды. С голодухи засосало под ложечкой. Тигрообразное существо ловко нарезало мясо с вертела. Я залип на этом зрелище. Отлип, когда меня ткнули в больные ребра.

– Я тебе что сказал? Не смотри на кошачьих.

– Я на мясо смотрел. Мы можем позволить себе купить что-нибудь поесть?

– Вначале надо добраться до знакомых.

– А золотишко тут не в ходу?

– Нет. Побрякушками из золота принято обвешиваться только у морально отсталых народов, еще находящихся на стадии первобытного развития.

– Ну уж не скажи, наша цивилизация выглядит технологичнее, чем этот восточный базар.

– Типичная подмена понятий – мерить уровень развития техникой. Если она у вас такая продвинутая, что ты знаешь об устройстве мира? Дала ли она тебе знание о других мирах, раскрыла ли в тебе способности увидеть мир иначе? Нет. Что золотая висюлька в носу, что техника твоя – все это изделия одного порядка.

– Не согласен. Автомобили и самолеты позволяют достигать места назначения за часы, в противном случае пешком это могло занять всю жизнь.

– Да ты что, серьезно? А то, что мы сейчас на этой телеге одолели сотню вселенных, это как?

– Ну... – Я еще плохо понимал всю эту историю с мирами. – Я говорю о продвижении внутри одного мира.

– Если ты будешь идти до места назначения внутри одного мира – да, но если пойдешь через соседние миры, то сократишь дорогу с дней до минут. Вопрос будет только в том, насколько работает твое воображение.

– Ладно, у меня голова начинает болеть, и есть хочется.

– Не ной, скоро уже.

Кого только не встречалось по пути: насекомоподобные, рептилоиды, слизнеобразные, даже гуманоидные, как мы, тоже были разными. От лилипутов и гномов до трехметровых атлантов, на фоне которых даже Ставрррр выглядел кентавром-пони. На всю эту экзотику хотелось смотреть не отрывая взгляд, вопреки просьбе Вольдемара. Мой спутник смотрел внимательно только на женщин. Красоток, даже экзотических, здесь хватало, и многие вызывали интерес. Одна белокурая бестия, одетая очень скромно, заметила мой взгляд и широко улыбнулась. Могу поклясться, что без магии здесь не обошлось, потому как сердце мое дало сбой, а потом «затроило».

– Ух, какая! – произнес я негромко, но Вольдемар меня услышал.

– Это же валькирия, еще не нимфа, но окрутит тебя и душу вынет на раз. Единственно, такие мягкотелые, как ты, ее не интересуют. Она любит воинов, кровь, сражения. Такая себе дама, с заходами. К ним у меня уже иммунитет.

– А к нимфам еще нет.

– Если бы догнал тот сатир, то был бы. – Вольдемар хохотнул. – Тьфу-тьфу-тьфу, не поминай сатира всуе.

Мимо прошла «тигрица» с плетеной корзиной на голове. Она так манерно двигала бедрами, что мои предрассудки насчет определенных предпочтений развеялись сами собой. Она выглядела почти как человек – прямоходящей и по пропорциям схожей. Тигрица носила юбку с бахромой и яркую кофту в цвет своих рыжих глаз.

– Не смотри в глаза, – снова предупредил Вольдемар.

– Укусит?

– Откусит.

– У тебя что-то было с такой? – Я уже начал считать, что мой спутник из той категории мужиков, которые любят все, что движется.

– Да, пытался подкатить, но далеко не зашло. У нее котят был полон дом, и мне показалось, что она ищет им папу. Сбежал, короче.

Телега проехала мимо человекоподобного жвачного млекопитающего с ветвистыми рогами, как у оленя. Ими он умудрился зацепить борт нашего транспорта, проскрести его и оставить мощную царапину. Ставрррр остановился, обернулся и вопросительно посмотрел на оленеобразное существо.

– Пардон, виноват, увлекся выбором сочных кормов. – Оленеобразный человек быстро накрутил красные ленточки на кончики рогов. – Забыл по рассеянности перед выходом на улицу.

– А нам побоку, что ты забыл. – Вольдемар спрыгнул с телеги. – Монету гони, или позовем дорожный патруль.

– Не надо патруль. Вот. – Он отсчитал какие-то пластиковые на вид шестиугольники. – Хватит?

– Хватит.

– Расходимся? – с надеждой в голосе спросил «олень».

– Свободен. – Вольдемар отпустил «оленя», развернулся и отдал деньги кентавру.

Тот вежливо откланялся.

– Тут и на масло хватит, так что вы ничего не должны-ы-ы-ы!

– Ну, значит, будем прощаться. – Вольдемар пожал руку Ставрррру. – Жорж, иди пожми руку товарищу, он уезжает.

Я спрыгнул с телеги. Моя ладонь утонула в лапе кентавра. Напоследок я рассмотрел его внимательнее, чтобы потом было что рассказать на ночь внукам. Типичный акромегал, похожий на Киркорова. Скулы помассивнее, чем у известного певца, что я связал с типом питания.

– Очень приятно было познакомиться, – произнес я для проформы.

– Если что надо будет, обращайтесь, – ответил он учтиво, но тоже по этикету.

Мы разошлись. Кентавр устремился дальше. С его габаритами развернуться на этой улице было невозможно, так что он двинулся по ней в прежнем направлении, а мы с Вольдемаром свернули в проулок, завешанный коврами. Здесь тоже готовили еду. Ее запах дурманил и вызывал обильное слюноотделение. Мой желудок настойчиво напоминал о том, что его пора покормить.

– Скоро мы доберемся до твоих товарищей? Сил нет как есть хочется.

– Вот ты нетерпеливый, а!

– Так я все выблевал по дороге, у меня теперь вакуум в желудке.

– Хорошо. – Вольдемар указал мне на деревянное кресло рядом с находящейся поблизости закуской. – Садись, я сейчас принесу что-нибудь.

– Хорошо. – В тот момент меня не волновало, где он собирался брать еду.

Вольдемар ушел. Первые полчаса я не слишком волновался его отсутствием. Посмотреть здесь было на что, поэтому время поначалу текло быстро. Через час мне стало подозрительно, через два у меня наступила паника. Не появился Вольдемар и через три часа.

Глава 2

Мне было страшно, и так же страшно хотелось есть. Кажется, мой спутник решил, что сделал для меня все возможное и теперь может спокойно меня бросить. Этого я никак не мог изменить, зато попробовать съесть что-нибудь у меня вполне могло получиться. Как здорово, что я не выбросил золотой самородок!

На глаза попалась забегаловка, в которой хозяйничал человек, отдаленно напоминающий ортодоксального еврея – в кипе и с косичками. Морда, правда (лицом это было тяжело назвать), слишком выдавалась вперед, как у барана. Но ему это шло.

– Таки здравствуйте, – не удержался я от одесского акцента.

– И вам не хворать, любезный. Что желаете скушать?

– Знаете ли, я тут впервые, остался один, без средств к существованию. Не могли бы вы монетизировать в местную валюту мое единственное состояние? – Я выложил на витрину самородок. – Золотишко. Грамм двести точно есть.

– Золото? – удивился хозяин забегаловки.

Он почему-то засуетился, несколько раз нырнул под прилавок, бубня что-то неразборчивое под нос.

– Извините, но если у вас нет таких денег, я готов подождать. Для начала просто накормите меня, а то я скоро упаду в голодный обморок.

– Конечно, конечно, пару минут обождите, я как раз приготовлю.

– Спасибо. – Суета хозяина меня удивила, но я не посчитал ее поводом для беспокойства. Пошел и занял столик. Вдруг вспомнил, что я не назвал ему, чего бы я хотел съесть, и глянул на вывеску, предполагая, что это забегаловка, в которой подают единственное блюдо. Нет, там были изображены разные сдобнушки, куски мяса и напитки. – Мне чего-нибудь мясного, жареного.

– Непременно! – уверил меня хозяин, не показываясь на глаза.

Я решил, что он занят готовкой. В ожидании обеда огляделся. Справа от меня за столиком сидела парочка. На первый взгляд, свои, земляне, но нет – кошачьи зрачки выдали в них иномирцев. Парочка была увлечена друг другом и не замечала моего пристального рассматривания. С соседями с другой стороны от меня такой трюк не прошел. Там сидел толстокожий «бегемот», весь в выпуклых наростах, похожих на бородавки. Он поглощал что-то растительное из большого блюда, не пользуясь приборами.

– Что? – спросил он грубо в ответ на мой пристальный взгляд.

– Извините. – Я отвернулся и уставился в небо.

Над головой парило судно на трех красных шарах. Я увидел, как с него выпрыгнула точка, пролетела немного камнем, а потом взмахнула широкими крыльями и закружила над крышами. Почему-то про птиц я не думал до сего момента. Наверняка и разумных пернатых в Транзабаре было предостаточно.

Две минуты закончились давно, а заказанного мяса все не было. Может быть, это место было создано для того, чтобы обманывать. Только я поднялся, чтобы поинтересоваться состоянием моего заказа, как стальные хваты зажали мои руки. Два гигантских австралопитека волосатыми лапищами удерживали меня.

– Вы кто такие? Гопота местная? У меня нет денег, вон тому еврею за обед отдал.

Ископаемые человекообразные подняли меня, как пушинку, и поставили у прилавка.

– Ну наконец-то. – Хозяин забегаловки показался над прилавком. – Долго вас ждать пришлось.

– В чем дело? Вы кто? Я еще ничего не успел совершить, меня только что привезли сюда.

– Где золото? – утробным голосом спросил один из австралопитеков.

Хозяин положил мой самородок на деревянную поверхность.

– Ваше? – спросил реликтовый гоминид.

– Наше. Подобрал по дороге, не украл. Если бы умел, показал место, где взял. Меня Вольдемар привел в этот город и его друг, кентавр Ставр. Нет, не так, Ставрррррр. Не слышали про таких?

– Вы задержаны до предъявления обвинения. Приговор завтра, на рассвете, как и исполнение его.

– Штраф? Работы? Будьте снисходительны к новеньким. Я есть хочу, я устал с дороги, у меня столько приключилось за последний день...

– Вас накормят, чем пожелаете.

– Да? Меня уже обещали сегодня покормить.

– С этим проблем не будет, еда, игра, совокупление – всё что пожелаете.

– Да у вас, по ходу, круче, чем в норвежских тюрьмах.

– Вы уже сидели за проступки?

– Нет! – ответил я резко. – Это информация из открытых источников.

Австралопитеки вывели меня на большую улицу и посадили в бричку, управляемую мускульной силой одного из охранников. Под стук колес по булыжной мостовой меня повезли в тюрьму. Голод не давал задуматься о том, что это может быть опасно. Он перевешивал страх, интуицию и прочие мои функции, отвечающие за самосохранение.

Экипаж въехал под высокий арочный проход в еще более высокой кирпичной стене. За спиной с шумом опустилась железная переборка, отделив внутренний двор тюрьмы от внешнего мира. Бричка остановилась. Меня грубо вытащили из нее и повели в сторону каменного здания с маленькими окнами, по тюремной практике прикрытыми решетками.

– Из огня да в полымя, – произнес я упавшим голосом. – Бесплатный адвокат от государства у вас положен?

– Не слышали про такого, – ответил австралопитек, идущий слева.

– А мне говорили, что вы ушли от нас далеко вперед в плане прогресса. А вы даже про презумпцию невиновности не слышали. Вину надо доказать.

– На суде докажут.

Через могучую деревянную дверь, усиленную коваными петлями, меня провели в прохладную и темную комнату. После уличного света пришлось долго вглядываться, чтобы увидеть ее обстановку. Когда глаза привыкли, я увидел пернатого, скребущего пером по бумаге. Видимо, перо было его собственное. Меня подтолкнули к разумной птице.

– Полное имя? – Птица подняла на меня длинный клюв и моргнула третьим веком.

– Жорж... – Хотел добавить «Милославский», но передумал. – Землянский. – Так было правильнее.

Птица-секретарь внесла мое имя скрипучим пером.

– Обстоятельства, при которых вы оказались в Транзабаре? – Голос у нее тоже был скрипучий, как у несмазанной дверной петли.

Я рассказал все, начиная с момента, когда моя машина выхватила светом фар голого Вольдемара, или кто он там был на самом деле. Пернатый слушал меня, ничего не записывая.

– Значит, контрабандным, – резюмировал он и внес всего одно слово в описание моего появления в этом городе.

– Постойте, я не вещь, которую можно пронести. Налицо мошеннические действия, которые легко доказать. У вас есть записи с камер наблюдения? Хотя какие камеры в вашем музее.

– Оставьте свой тон для суда, мне нужны только сухие данные. Подтверждаете, что золотой самородок принадлежит вам?

– Не подтверждаю. Мне подкинули.

Птица-секретарь что-то вписала в бумагу. Поставила под текстом печать и присыпала влажный текст черным порошком. Затем помахала над бумагой крыльями, подсушивая ее и сдувая остатки порошка.

– В общую камеру, для контрабандистов, – произнес пернатый.

Откуда-то из сумрака вышли двое. Я не видел их до сего момента и готов был поклясться, что их в комнате не было. Эти больше напоминали человека, но только с детства сидящего на стероидах. Мышцы были перекачаны до такой степени, что скрывали шею, а ноги терлись друг о друга, заставляя идти враскорячку. Парочка забрала меня из рук австралопитеков и вывела из комнаты.

По винтовой каменной лестнице меня вывели на второй этаж. Подвели к решетчатой двери, за которой стояли, сидели и лежали прямо на полу не меньше двадцати существ. Синтольный культурист открыл грохочущий замок, а второй толкнул меня в камеру. Я чуть не налетел на благообразного старичка с белой бородой до пола.

– Мир в хату, господ сидельцы. – Иномирцы иномирцами, но феня в тюрьме – первое дело.

– Драсьте, – ответил кто-то.

Я застыл на входе, не зная, можно ли мне пройти дальше, чтобы расположиться основательнее.

– Я в первый раз здесь, не местный, обычаев не знаю, поэтому прошу быть снисходительнее, если нечаянно нарушу какую-нибудь тюремную заповедь. Ладно?

– Так здесь все в первый раз.

– Здесь только те, кто не умеет сам ходить через миры. Они нас всех считают контрабандистами.

– Вам тоже об этом не сказали? – спросил я.

– Нет, я вообще бухой был, не помню, как здесь оказался.

– А я летел на самолете, который сломался и пошел к земле. Там был один мужик, который меня вытащил оттуда в этот Транзабар.

– На самолете? – обрадовался я. – Откуда вы, с Земли?

– Нет, у нас нет такой страны.

– Жаль. Хотелось бы земляка встретить. Никого с Земли нету?

В ответ – молчание. Я вздохнул и прошел к нарам, которые, как мне показалось, были свободными. Присел на уголок, готовый прыснуть с них, если окажется, что они заняты каким-нибудь авторитетом. Никто ничего не сказал и даже не подал виду, что я поступил как-то не так. Я осмелел:

– А что, кормить когда будут?

– С утра тут сижу, самый первый, еще ничего не приносили, – ответил иномирец, похожий на енота или барсука черными полосками на лице и белой плотной шерстью.

– А мне обещали. – Я расстроился.

– Всем обещали, но может статься, что обещание исполнят перед вынесением приговора.

– «Приговора»? – Меня кольнули неприятные предчувствия. – Звучит как исполнение последней воли перед смертной казнью.

– Есть такое мнение.

– И ведь знак был такой отчетливый: начинается жопа. – Я вспомнил бледную задницу Вольдемара. – Надо было тормозить раньше.

– Что теперь говорить об этом? – Сидящий напротив меня пухлый человек с добрыми синими глазами покачал головой. – Принятие неизбежного – лучший способ завершения земного пути.

– Нет уж, пока дышу – надеюсь, – ответил я.

Мысль о смерти казалась мне совершенно невозможной. Не верилось – даже в том театре абсурда, который со мной приключился, – что это последнее представление в моей жизни. Нет, обязательно должно случиться какое-то событие, которое не даст этому произойти. Моя твердая убежденность подействовала на меня успокаивающе.

Желудок сразу отреагировал на изменение настроения громким урчанием.

– А что, никто не пронес с собой ничего съедобного? Выкладывайте на общак, поделимся по-братски. – Я упер руки в колени «по-авторитетному».

Мой вопрос остался без ответа.

– Может, съедим кого-нибудь? – подал голос из противоположного конца камеры человек с явными чертами хищника. – Есть тут травоядные?

Толпа сокамерников с тихой возней расступилась, оставив в центре пустого места человека с белой козлиной бородкой и небольшими рожками. «Веган» испуганно забегал глазами по лицам людей.

– Ну-ка прекратите вести себя как животные! – Благообразный старичок имел сильный голос. – Может быть, вас на то и проверяют, как вы, такие разные, сможете найти между собой общий язык. Мы же все новички. Начнем жрать друг друга – нас точно отправят под топор палачу.

– Старик дело говорит. Это проверка.

– Сидим и не ропщем. Кто оголодал сильно, пусть подошву от ботинок жует.

Последнее предложение я принял на свой счет. Обиделся и отвернулся ото всех. В камере стало тихо, и только грохот замков в соседних камерах давал понять, что в тюрьме что-то происходит. Вскоре и в нашей камере открылся замок. Все ожидали увидеть нового человека, но это оказался пресмыкающийся гад. Сокамерники одновременно опустили взгляд к ногам мускулистых охранников. Чешуйчатая змея выползла из-под их ног и замерла на входе. Она приподняла голову и оглядела немигающим взглядом всех присутствующих.

Те, кто был к ней поближе, попятились, кто сидел на нарах – испуганно подняли ноги.

– Добрый день, – произнесла змея шепотом, леденящим душу.

– До вашего появления он был гораздо лучше.

– Что не ползалось по родной земле? – спросил кто-то, я не успел заметить кто.

Змея резко выстрелила раздвоенным языком в сторону спросившего. Этот жест можно было понять как предупреждение.

– Не по своей воле, – прошипела змея и скрутилась в кольца. – Я мерзну, может кто-нибудь взять меня на руки?

Никто не пошевелился. Белый старичок снял с себя холщовую рубаху и набросил на тело змеи.

– Это не поможет, мне нужно в тепло.

Из всего тепла в камере имелись только тела теплокровных да пятна солнца, бьющего через узкие окна. Мне стало жалко гада, я встал, поднял его с пола.

– Почто ужика тираните?

Он оказался тяжелым, килограмм на пятьдесят, и холодным, как покойник. Змей смотрел мне в глаза, будто пытался контролировать мои действия. Я поднес его к круглой дужке спинки нар, на которую падал солнечный свет.

– Накрутись спиралькой и грейся.

– Спаси-и-и-ибо, – поблагодарил меня змей. Он вяло накрутился на дужку и закрыл глаза.

– Не за что. Спи спокойно.

В камере снова стало тихо. Каждый пытался предугадать, что его ждет завтра. Мне раз за разом приходила бесполезная мысль: а что, если бы я не поехал той ночью никуда? Она была никчемной ввиду невозможности что-то изменить, но самой настойчивой. Ее обдумывание лишило меня душевных сил, и я уснул.

Спал я, судя по тому, как затекли мои члены, долго. В камеру через незастекленные окна свободно проникала утренняя прохлада. Несмотря на то что народу было много, душно не стало. Меня бил легкий озноб. Такое ощущение, что я истратил все калории и теперь, как змей, стал хладнокровным, приобретая температуру окружающего воздуха.

С улицы доносился шум. Тюремщикам отчего-то не спалось в столь ранний час. Мысль про то, что там готовят эшафот, добавила трясушки. Подумалось, что если меня лишат жизни, то и поплакать будет некому. Закопают обезглавленное тело где-нибудь в общей яме или скормят свиньям-людоедам, и никто не уронит слезу. Получалось, что я прожил жизнь так, что и не оставил ничего, словно меня и не было на свете. Никакой, человек-невидимка, человек-тень. «Нет никто и звать никак», как любила говаривать моя мать. Прямо про меня.

Вдруг по всему этажу загрохотали замки, раздался топот ног и крики охранников.

– Выходи строиться!

Черт, это мне так напомнило первый день в армии! Та же неизвестность впереди и не самые оптимистические ожидания. Открылась дверь нашей камеры.

– Выходи строиться!

– А зачем? – спросил козлобородый.

– Судить вас будут.

Да уж, суд без провинности заранее отдавал предвзятостью и темными временами Средневековья. Не зря мне Транзабар с высоты показался именно средневековым городом. Я направился к выходу вместе со всеми, но, вспомнив про змея, бросил взгляд назад. Пресмыкающийся лениво сползал с нар. Ему явно не хватало скорости. Бедняга совсем окоченел. Я вернулся и положил его себе на плечо.

– Идем скорее, а то на казнь не успеешь.

– Спаси-и-ибо! А кого казнить будут?

– Нас.

На этаже скопилось полно народу. Я заметил, что народ в камеры собирали по гендерному признаку. За нами толпилась женская ватага. Мужики пялились на них с любопытством. Посмотреть было на что. Все эти разумные травоядные имели огромное вымя на животе, что для меня выглядело совсем не эстетично. Но большинство женщин оказались человекообразными. Какого черта им не сиделось дома?

– Вперед, на выход! – скомандовал перекачанный голем.

Толпа заключенных под монотонный гул голосов направилась к лестнице. Змей, кажется, пригревшись на моем плече, снова задремал. Хлопал меня по спине безвольно повисшим хвостом.

– Парень, ты со своей удавкой? – спросил разумный хищник.

– Нет, я решил умереть от змеиного яда.

– Я не ядовитый, – прошипел змей.

– У нас змеи не разговаривают, – произнес хищник.

– У нас тоже, – признался я.

– Да и обезьяны не разговаривают, орут только, как полоумные.

Я уже хотел согласиться с ним, что у нас тоже нет говорящих обезьян, но тут до меня дошло, что это намек на мою эволюционную ветвь.

– А у нас собаки только брешут почему зря да блох по шерсти гоняют. У меня две собаки дом стерегут. Сдохнут – из шкуры накидку на сиденье сделаю.

Хищник отстал, поняв, что его раскусили. Конечно, кто мог произойти от хищников? Только высокомерные существа. Эта мысль даже как-то оправдывала местную власть, не желающую конфликтов на почве непримиримой нетерпимости между представителями разных разумных видов. Только казнить все равно было негуманно. Я бы предпочел депортацию в

любой мир, где жили человекообразные существа или не жили разумные вообще. Смерть – это крайний вариант решения проблемы.

Перед выходом на улицу в ноздри ударил запах еды. Народ прибавил шаг. Даже змей на моем плече сделал попытку поднять голову. Она у него выглядела раза в три больше, чем у земных змей, так что ему было тяжело это сделать.

На тюремной площади стояли дымящие полевые кухни. От них рядами расположились столы. Я прибавил ходу, чтобы первым взять миску и ложку. Гад на моем плече помогал мне бороться с возмущением тех, с кем я обошелся достаточно грубо.

Над одними полевыми кухнями висел символический цветок, над другими – куриная голень. Потоки разделились на травоядный и хищный. Мне можно было направиться в любой, но душа больше желала мясного.

– А ты чего ешь? – Я подумал, что нам со змеем может оказаться не по пути.

– Яйца, – ответил он.

– Хорошо, идем к хищникам.

Как ни странно, но на полевой кухне имелись вареные куриные яйца. Из бочки накладывали хорошо пахнущую кашу из непонятной крупы, но с понятными кусками мяса. Я взял и кашу, и яйца, и какой-то напиток зеленого цвета. Вытащил из-под кошачьего зада стул, потому что стула нам не досталось. Кошак попытался огрызнуться, но двойная агрессия быстро охладила его темперамент.

– Надо же, Мурзик шипеть вздумал. Это ему не в тапки срать, – хмыкнул я. – У тебя нет аллергии на кошачью шерсть?

– Нет. Но я никогда не ем их с шерстью, – признался гад.

– Фу, не надо таких подробностей перед едой.

Напиток оказался с градусами и хорошо достал до мозгов на фоне двухсуточного голода. Каша показалась изумительной по той же причине. Мне не испортил аппетит даже вид пресмыкающегося товарища, заглатывающего яйцо прямо в скорлупе.

– А чё ты его так глотаешь? Сказал бы – я бы тебе почистил.

– Не надо. Я так привык.

Змей напрягся. Изнутри его тела донесся звук лопнувшей скорлупы.

– Понятно, так еще и кальций в организм поступает. Послушай, а к старости у вас, наверное, проблемы с гибкостью бывают?

– Бывают. Колечком сложнее скрутиться, а потом развернуться.

– Всё как у нас.

Признаться, хмельной напиток и сытый желудок отодвинули страхи на задний план. Даже подумалось, что история с казнью просто выдуманна от страха.

Тех, кто поел, ждали игры – по желанию: азартные, спортивные, интеллектуальные. Я немного побегал в эстафете. С кошачьими тягаться в этой дисциплине было бесполезно, они бегали намного быстрее. Мы со змеем оказались посмешищем на их фоне. Мне было плевать, я ждал третьего компонента. Как я помнил из обещаний, это был интим. Находясь в легком опьянении, я был не против контакта с какой-нибудь иномирской красавицей.

И вот на площадь выкатили какие-то будочки с ширмочками. Приятные развлечения ждали представителей обоих полов. Я понял, что мне полагаются будки с манерной нагой красоткой на ширмочке.

– Извини, друг, тебя с собой я не возьму. В таких делах свидетели не нужны.

Я оставил змея и направился к будке. Сдвинул шторку в сторону, надеясь увидеть за ней жгучую красотку, ожидающую моих ласк. Вместо нее меня ждал деревянный станок, имитирующий женщину в собачьей позе. От женщины были только деревянные ягодицы и бедра до половины и в центре – довольно небрежно выполненное причинное место, проникать в кото-

рое совсем не хотелось. С интимом вышел облом. Хотя в соседней будке, судя по звукам, с этим было все в порядке.

– Животные, тьфу. – Я плюнул себе под ноги и направился к змею.

– Ты что так быстро, мужик? – спросил меня мелкий макакоподобный иномирец.

– Не в моем вкусе.

– У нас сношения происходят сезонно, – произнес змей, когда я подошел к нему.

– А у нас – как получится: то каждый день, то три года перерыв.

– Странно.

– У нас вообще бабы странные, напридумывают себе разного, а потом ждут, когда к ним придет принц и исполнит все их желания.

– У нас такие же.

– Ты же сказал – сезонно?

– Не, если в сезон никого не нашел, то пропускаешь его. Не нашел в следующий – опять пропускаешь, и так, пока не найдешь.

– Тогда вам хуже, у нас хоть в межсезонье почпокаться можно.

Змей шумно выпустил из ноздрей воздух и закрыл глаза.

– Согрелся?

Змей едва шевельнул головой.

– Меня тоже отпустило. Когда этот балаган закончится?

Через полчаса над тюрьмой раздался протяжный рев нескольких труб. Будки, столы и кухни мигом исчезли с площади. На их место кони-тяжеловозы доставили деревянные конструкции непонятного назначения. Пока их приводили в рабочий вид, над зданием тюрьмы поднялся воздушный шар с большой корзиной. С него через громкоговорители началось вещание:

– Жители Транзабара и гости-иномирцы, каждый день мы славим наш город – средоточие счастья, любви и процветания. Мы любим наш город и желаем ему оставаться таким на протяжении многих веков. Мы помним, чем обязаны нашему городу, чтобы он всегда оставался таким. А мы обязаны избавляться от тех, кто оказался в нем нелегально. От тех, кто обманом и коварством проник сюда, чтобы сеять смуту в наших сердцах. От тех, кто поклоняется вещам, а не чувствам, кто пытается нас вернуть на этот скользкий путь. От тех, кто несет с собой оружие, единственное предназначение которого – убивать. Мы все помним участь Срагаса, который попытался защищать права нелегалов. И где теперь Срагас, спрашиваю я вас? – За стенами послышался гул. – Правильно. Срагас погиб, пустив в себя неизлечимую заразу. Высшие силы не дают тем, кто не научился любить разных людей, способности ходить из мира в мир. Но они, как чума, как ветряная оспа, все равно находят способ попасть в здоровое тело Транзабара. Но мы бдим, вы бдите, люди! И сейчас вы увидите замечательное представление избавления города от ненужной заразы. Мы вышвырнем их навсегда! Во славу нашего города!

Я понял, что за стеной тюрьмы собралась толпа людей и предстоящее событие, судя по шумной реакции, очень заводило их.

– Что значит «выш-ш-швырнем»? – спросил змей.

– Значит, депортируют, – решил я. – Не пойму только: что в этом зрелищного?

Спустя минуту мне стало понятно значение термина «вышвырнуть». На тюремной площади устанавливали катапульты. Старые, деревянные, в точности как в исторических фильмах или стратегиях. Мне все еще хотелось верить в символичность их использования. Не собирались же они стрелять заключенными! Вольдемар меня так убеждал, что здесь все умные, не в пример мне. Я бы никогда не опустил до такой извращенной казни.

Тем временем обслуга катапульт со скрипом натягивала их. По внутреннему периметру тюремного двора рассредоточились крупнотелые охранники. Хмель вышел из головы. Трясучка началась с новой силой. Неужели меня убьют таким извращенным способом, под дикий

восторг толпы? А я переживал, что поплакать обо мне будет некому. Так моя смерть станет еще и развлечением для искушенной в этих вопросах публики.

– Холодно, – произнес змей и попытался уползти вглубь толпы.

Он получил по лицу ботинком от крупного быкообразного млекопитающего и отказался от своей идеи. Вернулся ко мне. Чешуя у него под глазом набухла и оттопырилась.

– Там еще холоднее, – соврал змей. – Тень от людей.

– Вот и сиди рядом, погибать – так вместе.

Мои слова услышал сосед, и его сразу же вырвало. Это запустило цепную реакцию. Блевать начали все, у кого нервы послабее. Тюремный двор сразу же превратился в тошнотворную западню. У меня самого еда поднялась к пищеводу, где держалась последними усилиями воли.

Снова загудели трубы. Их рев слился с гулом толпы. Часть охраны направилась к заключенным. Она схватила тех, кто был с краю, и потащила к катапультам. Пленники кричали и сопротивлялись. Трех бросили в ковш первой катапульти. Я заметил, что они точно были из разных миров, и это подтвердило мои страшные предположения: депортация происходит на тот свет.

Всего было шесть катапульти, и в каждую бросили по три человека (или нечеловека). Над тюремным двором и за его стенами повисла тишина. Ее нарушила усиливающаяся барабанная дробь. Шаманский ритм, видимо, приводил публику в экстаз. Вдруг дробь резко оборвалась, и в тот же момент выстрелили с секундной задержкой все шесть катапульти. Тройки, истошно крича, улетели куда-то за стены. Народ визжал от счастья. Зато оставшиеся заключенные превратились в кроликов, загипнотизированных удавом. Потеряли волю и даже не сопротивлялись тем, кто тащил их на казнь.

– Пусть нас не разделяют. – Змей обвился вокруг меня.

– Какой ты сентиментальный, удивительно для хладнокровного.

– У меня сердце горячее, – пробубнил из-за спины змей.

Еще восемнадцать человек улетели в неизвестность. Я прислушался, чтобы понять, когда они шмякнутся, но гул толпы перекрывал любые звуки. Почему смерть так забавляла их? Ответ пришел сам собой. У них не было телевидения и интернета, чтобы выпустить пар. О такой пользе развлекательных передач я не задумывался до сего момента. Потребность в зрелищах, видимо, присутствовала у любых видов иномирцев. Лучше бы они играли в «танки», чем любовались настоящей смертью.

Заключенные не пытались сопротивляться. Шли покорно на убой. Кого-то подводили ноги, и таких волокли к катапультам. Я почувствовал, как мои конечности тоже сделались ватными. Приведись сейчас бежать, я не смог бы. Будь проклят Вольдемар и его сатир, устроившие мне такую судьбу.

Крупный охранник шел в мою сторону. Я видел, как его взгляд зафиксировался на мне. Попытался уйти вглубь толпы, но она сомкнулась. Крепкие руки схватили меня и змея, обвиняемого вокруг моей поясицы, и потащили к катапульти. Я почти не наступал на землю, не успевал это сделать. И не было особого желания облегчить палачам решение моей судьбы.

Меня затащили на эшафот, под которым находилась корзина катапульти, и столкнули в нее. Стенки ее были гладкими и обработанными чем-то скользким, чтобы не было возможности выбраться. В ней пахло страхом и дерьмом, причем это был один и тот же запах.

– Как сказал мне мой дед, чтобы научить человека плавать, его надо бросить в воду, чтобы научить летать – в небо. – Палач, заведующий спуском катапульти, находился в приподнятом настроении. – Первый раз сегодня буду запускать воздушного змея. – Палач заржал.

– Я ползающ-щ-щий, – пояснил змей. – Рожденный ползать летать не может.

– Еще как может.

На эшафот завели женщину какого-то кошачьего происхождения и толкнули в нашу корзину. Я попытался помочь ей приземлиться, но она сама сделала это очень ловко.

– Это несправедливо. Моей вины никакой нет, – слабым голосом произнесла она.

Палач только надул губы и отвернулся. Кошка попыталась взобраться наверх, но эволюция отобрала у нее когти. Пленница скатилась вниз и жалобно завывала.

Били барабаны, ритм учащался и становился громче. Вдруг он оборвался. Бум! Меня вжало в пол корзины космическим ускорением. Еще удар, и начался полет. Ветер бил в лицо. Я кувыркался, не успевая зафиксировать взглядом ничего, все смазалось. Ускорение стянуло змея с моей поясницы. Я подумал, что его скоро сорвет, но он смог удержаться за мою лодыжку. Кажется, змей выступил стабилизатором моего полета.

Вращение почти остановилось. Я увидел, что мы летим все так же, тройкой. «Кошка» находилась чуть впереди нас, и кажется, она была без сознания. Я глянул вниз, увидел город и тысячи любопытных горожан на крышах. Посмотрел вперед, чтобы увидеть примерное место приземления. Не увидел – впереди были одни крыши. Вряд ли кому-то понравится, если о его дом будут убивать людей. Неужели нам предстояло лететь дальше? Никакая катапульта не смогла бы зашвырнуть нас так далеко.

Впереди висели конструкции, похожие на летающие корабли, под ними находились какие-то кольца. Так мне показалось. Но когда мы подлетели ближе, я понял, что это не кольца. Это были окна, за которыми открывался вид на другие пейзажи. Порталы в другие миры, решил я. Отличная идея, как избавиться от трупов. Мы влетели в один из таких порталов. Последнее, что я запомнил, – это удар о мягкую поверхность. Однако дух из меня все равно вышибло.

Глава 3

Всё же это оказалась депортация, а не казнь. Вся троица из катапульты после непродолжительного беспамятства пришла в себя. Не считая ссадин и синяков, состояние каждого можно было считать удовлетворительным. Забросило нас на морской пляж из желтого песка. Прибой выбросил на берег потемневшие коряги и пучки зеленых водорослей. Небо со стороны моря заходило тучами. Густой лес, окаймляющий полосу берега, шумел под набегающими порывами влажного ветра.

– Что скажете, жертвы кораблекрушения? – Я огляделся по сторонам.

– Как мы здесь оказались? – спросила женщина-кошка. – Я ничего не помню.

Она положила мягкую лапу себе на голову. Жест был вполне человеческим.

– Нас забросили сюда катапультой. Могли и не сюда. Я думаю, что все зависело от аэродинамики забрасываемой жертвы. Какой-нибудь бегемотик попал бы в другой мир.

– Я не понимаю, – призналась кошка.

Я заметил, что хрящ на одном из ее острых ушек сломался. Ухо не хотело держаться прямо.

– Нас забросили в один из порталов, – пояснил змей. – Их было очень много.

– Какой бред. Как в это поверить? – Ушки кошки безвольно опустились.

Она зачерпнула лапой песок и высыпала его. Ветер раздул его струйку.

– Как вы думаете, этот мир уже занят кем-то? – спросил змей.

– Ты спрашиваешь про разумных существ, таких, как мы? – Я понял, что в первую очередь мне тоже интересно именно это. И почему-то я хотел, чтобы их здесь не было. – Если это будут какие-то разумные пернатые, то нас точно определят в зоопарк.

– Или препарируют, – пессимистически предположил змей.

– Надо уходить в лес, – предложила кошка. – Мы здесь слишком на виду.

– Что-то эта фраза отдает партизанщиной. – Мне стало смешно. Я попытался засмеяться, но мое лицо, потрепанное последними событиями, болезненно сопротивлялось этому. – Вот у нас отряд: человек, кошка и змея.

– Прошу прощения, человек, обезьяна и змея, – поправила меня кошка.

– Вы оба неправы. Человек, обезьяна и кошка, – внес свою поправку змей.

Это было логично: каждый из нас в своем мире был человеком – доминирующей формой жизни.

– А млекопитающие, похожие на вас, вымерли у нас много миллионов лет назад, – признался змей. – Я видел только реконструкции внешнего облика и скелеты в музее.

– И что, похоже? – поинтересовался я.

– Не совсем. На вас нет чешуи, и вы другого цвета.

– Приехали. Вся эволюция коту под хвост. – Я выругался, но вдруг осекся – из-за реакции кошки. – Я хотел сказать: так необычно, что млекопитающие, более сложные организмы, чем пресмыкающиеся, вымерли раньше.

– Ничего подобного. Мы более приспособляемая форма жизни. Нам не требуется столько энергии, как вам, для поддержания постоянной температуры тела. Ваш вид вымер с голоду после того, как упал астероид.

– У нас все произошло с точностью до наоборот. Да и как можно быть более приспособляемым без рук?

– А как можно выжить таким неповоротливым, как вы?

– Хватит! – Кошке надоело слушать перепалку между представителями разных видов. – Сейчас оба вымерете, как лишняя ветвь эволюции.

Мы со змеем замолкли. Со стороны моря приближалась стена дождя.

– Быстрее в лес! – предложил я и первым направился под его сень.

Змей, ловко извиваясь, полз рядом со мной, только кошка почему-то медлила.

– Давай за нами, кис-кис! – Последнее сорвалось автоматически.

– Идите, я вас догоню, – крикнула кошка. – Мне надо... в песочек.

– Да уж, некоторые вещи эволюции неподвластны, – сделал вывод я, укрывшись под деревом с широкими длинными листьями, похожими на пальмовые.

– А что она имела в виду? – Змей не понял про песочек.

– Это наши млекопитающие секреты, – уклончиво ответил я, не желая распространяться перед пресмыкающимся о своей физиологии.

Громыхнул гром, и сразу полил дождь. Лес зашумел под его тугими струями. Кошка забежала под дерево, полностью промокшая. Она зябко передернулась всем телом, обдав нас брызгами. В воздухе запахло мокрой шерстью.

Дождь лил полчаса и, кажется, совсем не собирался заканчиваться. Под наше укрытие потекли ручьи, не успевающие просачиваться в песок. Змей забрался на ствол дерева, обернулся вокруг него и замер, наслаждаясь сухостью и комфортом. Мне пришлось найти поваленный ствол и забраться на него, чтобы не намочить ноги.

– Давай тоже, – предложил я кошке, стесняющейся занять место рядом со мной.

Она грациозно расположилась рядом, усевшись по-кошачьи. Я посмотрел на ее шерсть в мокрых сосульках и улыбнулся.

– Что? – поинтересовалась она.

– Ничего. – На самом деле я подумал про «мокрую киску», но мои идиомы вряд ли будут ей понятны. Потом решил предложить ей снять одежду и просушить, но постеснялся. С одной стороны, у нее была шерсть, прикрывающая наготу, но с другой – ей, как разумной женщине, должна быть свойственна стыдливость. Почему-то я был уверен, что это качество у нее есть обязательно. – Не скажешь, у вас в домах мыши водятся?

– Мыши? – Вопрос ее удивил. – Некоторые держат, декоративных. Почему спросил?

– Ну, у нас кошки охотятся на мышей.

– Как охотятся? Как на дичь?

– Да, как на дичь. Мы, люди, держим кошек в доме, чтобы они ловили мышей...

– Замолчи! Не желаю слушать этот бред. Кошки охотятся на мышей? Какая глупость.

– Совсем не глупость. Кошки и собаки – первые животные, которых приручил человек.

Уже тысячи лет...

– Ненавижу собак. Самые тупые существа.

– Ладно, я понял. Больше никаких аналогий.

Я замолчал, но меняхватило только на одну минуту:

– А мокрую шерстку вы сушите феном?

– Не знаю, что это, обычно полотенцем, а потом электрическим теплоизлучателем.

– Думаю, что это одно и то же. Скажи-ка, мы такие разные, а понимаем друг друга и живем, походу, одинаково.

– Мне сказали те люди, с которыми я попала в Транзабар, что это эффект такой: как только мы попадаем из нашего мира, срабатывает какая-то древняя память, и мы все начинаем разговаривать на одном языке.

– Мне ничего такого не говорили. А тебе, змей, говорили что-нибудь про язык?

– Не-а. Я спал.

– Тоже мне, спящий красавец.

– Я сплю, когда надо беречь силы. Вот вы устанете, а я буду еще бодр.

– Мы уже это слышали. Ваш пресмыкающийся Дарвин, видимо, на этом всю свою теорию происхождения видов и построил. У нас говорят: труд превратил обезьяну в человека. А у вас, наверное, так говорят про сон?

– Почти. У нас есть такое понятие – осознанный отдых, состояние, когда мы сыты, устроены в бытовом смысле, то есть не испытываем никакой нужды в данный момент. В отличие от животных, в это время можем предаваться размышлениям, развивающим наши умственные способности. Много тысяч лет тому назад произошло ответвление думающего существа от недумающего.

– И о чем ты думал, пока мы считали тебя спящим?

– Каким может быть доминирующий разумный вид в этом мире.

– Придумал?

– Еще нет.

– Впервые в жизни мне хочется, чтобы это были травоядные, – произнесла кошка. – Тупые, но добрые.

– Возможно, они нас не съедят, но могут отомстить за свой страх перед хищниками. Почему-то я уверен, что у травоядных сильно развит религиозный фанатизм. Они же стадные, им нужна какая-то идея для объединения. Для чего-то сложного они слишком тупы. Нет, я против травоядных, только если это не карликовые единороги, какающие радугой. Эти за мир. – Мне почему-то под понятием «разумные травоядные» на ум приходили только стада баранов.

– Птицы тоже не вариант, мы тут все под их вид не подходим, – решила кошка. – Кто еще?

– Рыбы, – едва слышно буркнул змей.

– Рыбы? – в один голос переспросили мы с кошкой.

– Не могу себе такое представить, – призналась хищница.

– Я тоже. Никаких предпосылок для этого у них нет, – заключил я. – Ни рук, ни речи, вообще ничего.

– Я ведь просто так сказал, для примера.

– Да, от жареной рыбки я бы не отказалась. – Кошка облизала мордочку розовым языком.

– Как я тебя понимаю. – Мой желудок солидарно заурчал.

– Главное, кто бы тут ни доминировал своим интеллектом, чтобы они не вели войну, – изрек мысль меланхоличный змей.

– Точно. Когда война, под раздачу попасть – раз плюнуть.

В небе, прямо над головой, сильно гроыхнуло. Вся наша троица рефлекторно дернулась, а змей так почти сполз с дерева. Мне показалось, что он хочет спрятаться под нами.

– Ты чего, грома испугался? – спросил я.

– С детства взрывов боюсь, а тут как раз про войну подумал. Совпало.

Гром, по-видимому, предвосхищал начало дождя и его конец. Шум дождя затих мгновенно, будто его отключили. Между деревьев, журча, к морю бежали ручьи. Их силы хватило еще на пару минут. Вода быстро впиталась в песок.

– Надо бы осмотреться, – предложил я, пробуя носком ботинка землю.

Я подумал, что она может стать зыбкой, но дождь, наоборот, уплотнил ее.

– У нас не принято ползать по мокрому, – сообщил змей. – Через воду передаются всякие болезни, чешуя может слезть или волдыри пойти под ней. Климат у нас сухой, нет природной устойчивости.

– А мне сдается, что ты вот так завуалированно просишься на ручки, – решил я. – В тебе полцентнера. Ты же не дамская сумочка, чтобы носить тебя через плечо. Хотя... сумочек из тебя можно было бы пошить.

– Друзья! – подала голос кошка, пушащая лапой подсыхающую шерсть. – А почему мы до сих пор не представились друг другу? Как-то неловко обращаться без имени.

– Действительно, – согласился я. – Меня зовут Жорж. Можно добавить «Землянский», потому что мой мир называется Земля, но это необязательно.

– Меня зовут Олеляу. – Последний звук она произнесла грудным мурлыканьем.

– Я так и думал, что имя у тебя будет звучать по-кошачьи, – признался я. – Вот у меня кошка была... – Я натолкнулся на немигающий взгляд желтых глаз. – Прости. У меня о ней только хорошие воспоминания остались.

– А меня зовут Аанташшш. – Змей учтиво кивнул головой, совсем по-человечески.

– Анташ – монтаж. Легко запомнить. Очень приятно. Вот мы и перезнакомились. Жора, Оля и Антошка.

– Нет, если хочешь кратко, то лучше произносить второй слог, Ляу. Оле – это моя бабушка. Широких ей веток в вечном лесу.

– Ага, Ляу так Ляу, почти что «мяу».

– А меня зови Антош. То имя, которое ты произнес, режет слух.

– Ладно. Жорж никому не режет?

Антош и Ляу ответили, что не режет.

– Ну, банда нетрадиционной эволюционной ориентации, хватит сидеть на одном месте, пора бы и осмотреться, что за «Последний герой» нам устроили гостеприимные власти Транзабара. Вы, кстати, не против, если командовать парадом буду я? – Я хлопнул в ладоши и замер, ожидая реакции коллектива.

– Кто из нас командир, покажет чрезвычайная ситуация. – Ляу дала понять, что мой авторитет еще не признан.

– Это справедливо, – согласился с ней змей Антош.

– Ладно, я не настаиваю. Пусть это произойдет естественным образом. Как пойдём, через лес или по берегу?

– По берегу, – выбрала кошка.

– Это разумно. – Кажется, Антош склонялся к лидерству кошки.

– Вот и ползи сам, подкаблучник.

– А ты хотел продираться через лес? – поинтересовалась Ляу.

– Нет, я тоже хотел идти по берегу.

Мы вышли на песок. Течением вынесло из леса много разного хлама: поломанных ветвей, старых коряг и даже кустарниковых колючек, ошестинившихся искрящимися капельками воды на концах иголок, выглядящими как яд на жвалах тарантула. Антош быстро извожился в мокром песке и мусоре и стал похож на грязный пожарный шланг. Его немигающие глаза выражали нечеловеческое страдание. В отличие от нас с кошкой его чешуя была ему и одеждой. Я представил себя, ползущего в свадебном фраке, и мне стало жалко змея.

– Антош, давай отряхнись, чтобы я взял тебя на ручки.

– Не знаю, право, Жорж, я ведь такой тяжелый.

Однако он остановился, вытянулся почти на метр над землей и замер, ожидая, когда его почистят. Ляу ловкими кошачьими лапками очистила змея от налипшего на него песка и мусора. Антош даже закрыл глаза, прибалдев от ее манипуляций.

– Антош, а у вас одежды в принципе не бывает? – спросил я.

– Нет. Не вижу практической пользы. Она же сотрется вмиг.

– Верно. Да и стыдиться вам нечего. Ничего выдающегося, кроме головы, у вас нет.

– Тебе это кажется необычным? Представь, каково мне видеть ваши несуразные тела, лишённые геометрической рациональности. Природа будто забыла, как создавать красоту, и сделала вас.

– Ты того, полегче, мы с Ляу находим себя очень даже привлекательными. А будешь болтать – пойдешь ножками. – Я хохотнул над этим парадоксом. – А хаять того, кто тебя тащит на себе, могут только паразиты.

– Извините, просто у нас считается нормальным говорить что думаешь.

– У нас тоже, но еще более нормальным считается умение держать язык, особенно раздвоенный, за зубами.

– Мальчики, не ссорьтесь. Смотрите, там что-то из воды показалось. – Ляу направила мохнатый пальчик в сторону моря.

Волнистая водная поверхность надулась двумя пузырями. Что-то поднималось из глубины вод.

– В лес, живо! – крикнул я и первым ринулся под его зеленую крышу.

Кошка на полпути играючи обошла меня. Даже на двух ногах она умудрялась бежать очень упруго и грациозно. Усэйн Болт на моем месте уже задумался бы о том, чтобы закончить свою карьеру.

– Ух ты! Ничего себе! – Антош смотрел мне за спину.

Меня терзало любопытство, хотелось увидеть то, что так впечатлило его, но страх и приобретенный за последние дни опыт пересилили это чувство. Оставшись без сил, я рухнул в мокрые кусты на опушке леса.

– Жорж, смотри. – Ляу, забравшись на короткий ствол пальмы, смотрела с него за подъемом большого и странного «нечто».

Я бы назвал непонятное сооружение летающей подводной лодкой, подвешенной на воздушных шарах. Продолговатый корпус, напоминающий кашалота, висел на стропах, прикрепленных к двум воздушным шарам. От земной подводной лодки, помимо шаров, ее здорово отличали огромные винты на носу и корме. Прямо у нас на глазах они пришли в движение, и конструкция начала перемещаться по воздуху. Она прошла над нами, окатив морской водой, стекающей с шаров и корпуса.

– Значит, мы все-таки здесь не одни, – высказал я очевидную мысль. – Хотелось бы понять, какая из сред для них родная: вода или воздух? У вас есть подводные лодки на воздушных шарах? – спросил я у кошки, потому что в мире змея вряд ли были подобные устройства.

– А зачем их вообще опускать под воду? – вопросом на вопрос ответила Ляу.

– Ясно.

– А я бы сказал, что для тех, кто управляет этим устройством, родной стихией является вода. Шары с газом необходимы им для подъема из воды в воздух. Те, кто живет на суше, стали бы так делать?

В моем мире такого точно не было, но при всем многообразии вариантов миров возможны любые неочевидные решения.

– Предлагаю двинуться вглубь суши, пошпионить за местными. Если нам придется доживать свои дни в этом мире, который на первый взгляд не так уж и плох, то чем раньше мы будем знать о нем все, тем лучше.

Я приглядел на земле сломанный ствол дерева. Укоротил его, обломал ветки, превратив в первобытную дубину.

– Я готов к встрече с неизвестным, а вы?

Мои товарищи по несчастью растерянно смотрели на меня. Кажется, у них были совсем другие планы по адаптации к здешним условиям.

– Я умею мимикрировать под окружающую среду, – признался змей.

Он обернулся вокруг коричневого ствола дерева и в течение нескольких секунд сменил зеленый оттенок на коричневый.

– А я в случае опасности смогу быстро взобраться на дерево. – Ляу по-кошачьи всеми четырьмя конечностями вцепилась в дерево и ловко забралась под самую крону. – Мы живем на деревьях, которые выращиваем сами для себя.

– Так, значит, пока вы будете прятаться, воевать с опасностью придется мне. Я не умею быстро лазить по деревьям и неспособен менять цвет.

– У тебя дубина, – напомнил Антош.

– Спасибо, но я хотел бы, чтобы она была у каждого из вас.

– Мне будет неудобно с ней ползти, – огорчился змей.

– А я женщина, мне не пристало махать оружием.

– А в моем мире львицы охотятся, а львы лежат под деревом. – На меня вдруг накатило раздражение.

– А в моем мире макаки прыгают с ветки на ветку, – ответила на это Ляу.

– Я не макака.

– А я не львица, я человек.

Мне захотелось возразить в запале, но хватило ума замолчать. Как трудно избавиться от стереотипов!

– Хорошо, жизнь сама расставит все по местам. Идемте вперед.

Змей бодро сполз с дерева и направился ко мне.

– Стоп! – остановил я захребетника направленной на него дубиной. – Каждый идет своими... своими... черт, идем так: я впереди, Ляу в центре, а ты, Антош, замыкаешь. Если замечаете опасность, негромко сообщаете. Если я первым замечу опасность, то остановлюсь. Вы должны поступить так же, как я. Понятно?

– А если я отстану, а вы не заметите? – Змей снова сделал жалобные глазки.

Просто удивительно, как пресмыкающийся гад умел так делать. Наверняка у него сильные гипнотические способности.

– Ляу, присматривай за ним.

– Хорошо, – согласилась кошка.

Наша экзотическая троица направилась через мокрый лес. К счастью, вскоре поднялся ветер, просушивший листву. Грязный змей быстро очистился и уже не выглядел таким жалким. Как ни странно, но нам попадалось очень мало всякой живности. Редкие птицы кричали поверх крон, иногда пробегали какие-то мелкие зверьки, которых я не успевал разглядеть. По моим земным представлениям, тропический лес должен кишеть фауной.

Вскоре к свежести леса стал добавляться не очень приятный запах тухлятины, и чем дальше мы шли, тем ощутимее он становился. Я решил сменить направление маршрута, чтобы обойти источник зловония, но целый час ходьбы ничего не изменил. Напротив, лес поредел, и я понял, что мы движемся вверх, на песчаный холм.

– Хорошая возможность оглядеться, – решил я.

– Вонь невыносимая. – Кошка прикрыла свой розовый носик краем вязаной кофты.

– Я мог бы предложить вам остаться здесь, пока я сбегаю посмотреть, но это плохая идея, как в дешевом ужастике. Мы должны держаться вместе. Сверху можно разглядеть, куда идти и что это так воняет.

Меня послушались. Змей вообще ничего не чувствовал. Его обонянию были непонятны наши стенания по поводу вони, а кошке просто не хотелось остаться без моей дубины. У самой вершины холма из-под ног в разные стороны бросились мелкие черные крабы. Ляу взвизгнула и вскарабкалась на дерево, но раньше нее там оказался Антош.

– Слушайте, покорители миров, слезайте. Вы меня пугаете, цивилизованные вы мои. Это крабики, которые жрут тухлятину. Нас они не тронут – по крайней мере пока.

– Мерзкие. – Кошку передернуло от хвоста до головы.

– Согласен, – прошипел змей.

– А что, если они и есть доминирующий вид, а вы их костерите? Слезайте уже.

Антош спустился, но по земле предпочел двигаться не горизонтальными зигзагами, а вертикальными. Брезгливостью от его движений веяло за версту. Непонятно, как еще он держал равновесие. Ляу тоже старалась внимательно ставить ноги, чтобы не дай бог не наступить на крабика. Я шел впереди всех, и если мне попадался под ногу зазевавшийся хитиновый друг, откидывал его в сторону носком ботинка.

Мы поднялись на вершину холма, откуда нам открылся потрясающий до глубины души ответ о причине неприятного запаха. Все пространство за холмом было усеяно органическими

остатками. Они покрывали лес полностью. Деревца местами пробивались наружу, но в целом это напоминало гигантский скотомогильник.

Приглядевшись внимательно, я заметил, что он шевелится. Мелкие черные крабы сплошным ковром покрывали скотомогильник, подъедая мертвую плоть. Ляу вцепилась мне в руку. Бедная кошка испуганно таранилась на тошнотворное зрелище.

– Что вы видите? – спросил змей. – Мое зрение, видимо, не такое, как у вас.

– Ничего хорошего, – ответил я. – Уходим.

Мы развернулись, и в этот миг нас накрыла тень. Огромный агрегат, почти бесшумно разбивающий огромными винтами воздух, завис над нашими головами.

– Бежим! – предложил я своей команде.

Получилось, что я скомандовал самому себе, потому что кошка и змей рванули раньше меня. Сверху раздался скрежет. Я на бегу поднял голову, рискуя налететь на дерево. Плоское дно зависшего агрегата дрогнуло и начало открываться. Черная масса хлынула из проема вниз. Я уже догадался, что это может быть. С этих воздушных судов сбрасывали останки.

Бежалось с холма легко. Я нагнал змея прежде, чем между нами стали падать смердящие куски. Что-то тяжелое шлепнуло меня по затылку, окружив ореолом невыносимой вони. Я прибавил скорости. Шум сзади затих. Вверху опять заскрежетало. Аппарат закрыл створки и полетел дальше. Я остановился. Ко мне подполз отставший Антош.

– Это ужасно. Рядом со мной упал череп, с которого срезали всё. Кто они?

Змей выглядел и вонял неважнецки, впрочем, как и я.

– Не знаю, кто они, но встречаться с ними у меня никакого желания нет. Мне бы сейчас к воде, помыться.

– А я бы обтерся о сухой песок.

Ляу ждала нас почти у самой воды.

– Простите, я не помнила себя от страха. Рванула изо всех сил, – призналась она, прикрыв нос.

– Да ладно тебе, хорошо, что на тебя не попало. Какая гадость!

Я вошел в воду прямо в одежде. Нырнул с головой, промывая волосы, будто нанес на них шампунь. Потом снял одежду, прополоскал ее в воде несколько раз, периодически приносясь. Даже намек на вонь меня не устраивал. Полоскал до тех пор, пока не исчез даже фантом запаха. После этого вынес одежду на берег и вернулся, чтобы отмыть тело и немного поплавать.

– Ляу, пойдем в воду, поплаваем! – позвал я кошку.

– Не хочу, – ответила она.

Мне показалось, что кошка боится воды и не хочет признаваться в этом. Змей кувырчался в песке, счищая абразивом с чешуи куски чужой тухлой плоти. Судя по тому, как он предавался этому занятию, психика его тоже пострадала.

– Как хочешь. Водичка очень теплая.

Я нырнул с головой и открыл глаза. Вода была не очень чистой, особенно после дождя, в ней болталось много взвеси. Однако я все равно смог заметить, что в ней кто-то плавает. Решив, что на сегодня испытывать судьбу достаточно, поспешно выбрался на берег.

– Чего так быстро? – спросила Ляу.

– Скучно плавать одному, – соврал я. – Ну, что будем делать дальше? Пора бы уже и подкрепиться.

– Я не хочу, у меня в носу стоит этот запах. – Кошку снова передернуло снизу доверху.

Я натянул на себя мокрую одежду, стряхнув прилипший песок.

– А меня ничего, отпустило после водных процедур. Интересно, хоть какие-нибудь фрукты-овощи могут расти в этом лесу?

– Я не заметила.

– А мне вообще не до этого было. Я могу, в отличие от теплокровных, не питаться целый месяц, – похвастался змей.

– А я могу питаться змеями хоть каждый день. – У меня получилось как-то зло, и я сразу решил исправиться: – Но лучше фруктами. Кстати, ты, Ляу, употребляешь растительную пищу?

– Вообще-то очень редко. Мы едим овощи или траву, когда болеем. Считается, что оттуда берутся какие-то витамины, которых не хватает в мясе.

– У меня кошка была, которая огурцы на грядке до жопки съедала... – Я осекся. – Извини, просто к слову пришлось. Я это к тому, что если приспичит, ты сможешь какое-то время прожить на огурцах.

– Смогу, не переживайте.

– Вот и ладненько. В путь!

Мы направились по кромке между пляжем и лесом. В случае опасности, которую ждали со стороны моря, можно было юркнуть в лес. Заодно присматривали деревья, на которых могли расти туземные бананы. Антош вначале двигался впереди нас с кошкой, но потом начал беспокоиться и замирать, словно прислушиваясь. Промеж собой мы с Ляу решили, что наш спутник – патологический трус и перестраховщик.

– Я не бог весть какой экстрасенс, – изрек змей во время очередной остановки, – но у меня сильное ощущение, что за нами наблюдают.

– Это извращенцы. Они обычно таким занимаются. Все нормальные уже давно вышли бы на контакт.

– Интересно, мы со стороны производим впечатление разумных существ? – поинтересовалась Ляу.

– Мы с тобой точно, на нас надета одежда, а Антош больше похож на ручного змея, – ответил я. – Извини, друг, я не собирался тебя обидеть, просто на мне и Ляу есть вещи, которые можно произвести, только обладая определенными технологиями, ты же библейски наг.

– Размер моей черепной коробки гораздо больше, чем у представителей дикой ветви моего вида, – высказался в свою защиту змей.

– Хотелось бы верить, что за нами следят расисты со штангенциркулем, которые безошибочно знают, к кому нас определить.

Моя ирония осталась без внимания. Змей не успокоился, периодически останавливался и замирал.

– Хотите верьте – хотите нет, но за нами следят.

– А как ты определяешь, следят за нами или только за тобой? Что, если это прекрасная анаконда положила на тебя глаз и следует за нами неотступно? А ночью, когда мы с Ляу уснем, похитит тебя и захочет надругаться.

– Ночью? Вряд ли. У нас плохое зрение, а ночью так вообще отвратительное. И это не анаконда. Взгляд разумный. Если вы прекратите надо мной смеяться, а больше станете глядеть по сторонам, то сможете заметить его обладателя.

Мы с кошкой нарочно завертели головами. Над нами беспокойно кружили несколько пестрых птичек.

– Они? – Я ткнул пальцем в их направлении.

– Я не знаю. Не похожи они на тех, кто строит гигантские свалки отходов.

– Да, совсем не похожи.

Под нагнетающие обстановку предчувствия змея мы подошли к месту, где заканчивался лес. Вернее, туда, где в море вдавалась галечная коса, почти полностью лишенная растительности. Галька являлась производной разрушенных скал, которые виднелись вдалеке. Нам показалось, что сразу за скалами виден подъем суши. За неимением каких-либо вменяемых планов мы решили, что стоит направиться туда, разведать обстановку.

– Пойдем глянем, чё почём в базарный день. Тебе, змей, не жестко ползти по камням?
– Не змей, я человек. И камни для меня – как для вас трава, самое подходящее покрытие для движения.

– Хорошо, Антош, буду звать тебя только по имени. Это все бремя белого человека. В моем мире подсознательно мы считаем себя венцом эволюции, а всех остальных – догоняющими. Может, так оно и есть, но лучше скромно считать себя таким же, как все.

– Как интересно, – удивилась кошка. – У нас случались войны между расами, имеющими разный окрас шерсти. Да и сейчас не все так однозначно.

– И кто же считает себя умнее и красивее остальных? Белые?

– Вообще-то серые, как я.

– У меня тоже был серый британец, злой как черт... всё, понял, просто к слову пришлось.

– А у нас были войны между живородящими и яйцекладущими, – признался змей.

– И кто победил? – Мне стало интересно узнать результаты войны по такому дурацкому поводу.

– Мы, живородящие.

– Хотя в чем-то мы с вами похожи.

– Как показала война, у кого скорость развития потомства выше, тот и сильнее.

– Ну, хватит про войны. Смотрите лучше по сторонам, – предупредила Ляу.

На горизонте слева и справа виднелись аппараты на воздушных шарах, барражирующие над лесом. Мне страшно было представить, каким делом они занимались. Держаться от них стоило подальше.

Чем ближе к скалам, тем крупнее становились камни. Иногда между ними мы находили мусор, который мог быть изготовлен только руками разумных существ. Остатки упаковок, баночки из металла, пластик.

– Культурный слой, – назвал я по-умному эти остатки. – А на самом деле – рукотворные экскременты цивилизации.

– У нас тоже такие проблемы имеются, – вздохнула кошка.

– И у нас, – невесело подхватил змей.

– У вас есть производство? – удивился я, до сего момента уверенный, что цивилизация пресмыкающихся пошла иным, более экологичным путем.

– Конечно. А ты решил, что раз на мне нет одежды, то и всего остального тоже нет.

– Вывод напрашивается сам собой, конечностями вас природа обделила.

– «Обделила»? Ты думаешь, твои несуразные клешни удобнее моего гибкого тела?

– Да.

Змей схватил камень размером с кулак петлей из своего тела и перекатил его волнами от головы к хвосту и обратно. Подбросил, поймал, показал еще несколько фокусов и напоследок метнул каменюгу метров за тридцать.

– Как? – спросил он с вызовом.

– Впечатляет, – согласился я.

На самом деле меня немного уколола демонстрация его умения. Я так и не научился набивать ногой мяч больше трех раз, как ни старался. Тогда я решил в отместку показать ему детский фокус с оторванным пальцем. Наверняка ему такое еще видеть не доводилось. Сложил руки и проделал фокус.

– Забавно, но я же понимаю, что это разные пальцы.

Удивить змея не получилось.

– Зато ты так не сможешь, – ответил я, не зная, как еще показать собственное превосходство.

– А ты не сможешь, как я.

– Хватит уже доказывать, на ком из вас природа больше отдохнула. Вы не у себя дома, смотрите по сторонам. – Ляу позволила себе повысить голос.

На мгновение я представил ее разъяренной кошкой, и мне стало страшно. Чего у нее там осталось от настоящего хищника? Вдруг она до сих пор не избавилась от инстинктов? Антош, видимо, подумал о том же и притих.

В полном молчании, прерываемом иногда негромким бурчанием змея, недовольного тем, что камни стали слишком большими, добрались до вершины скалы. Ближе стало понятно, что скалы являются основанием для большой равнины. Поднявшись выше, мы были поражены простирающимся до горизонта изумрудно-зеленым лугом. На искрящуюся в солнечных лучах траву было трудно смотреть.

Луга упирались в далекие горы с заснеженными вершинами. Если приглядеться, среди зеленого бархата можно было увидеть скопления черных точек, похожие на стада животных.

– А вот и дичь. Осталось самое легкое – изловить. – Я вопросительно посмотрел на Ляу, предполагая, что из нашей троицы она самая хищная.

– Что? – Кошка не выдержала мой взгляд. – За всю свою жизнь я охотилась только за скидками в магазинах. Максимум, о чем вы можете меня попросить, это не мешать вам поймать ее.

– Я смотрю, шоу «Последний герой» семимильными шагами близится к финалу. Никто не хотел выживать. Пойдемте хоть посмотрим, кого мы там не умеем ловить.

– Пойдемте, – согласился змей. – Подальше от берега, от этих страшных вертушек.

Трава, по которой мы шли, была настолько густой, что стопы не чувствовали земли. Настоящие альпийские луга, на которых должны пастись пестрые коровы, дающие по пятьдесят литров молока за раз.

Свежий ветер с гор питал воздух прохладой. Шлось легко. Антош скользил по траве, слившись с ней в один цвет. Отмахав пару километров, мы совсем незаметно приблизились к стаду местных животных. Мне захотелось обернуться, чтобы понять, сколько мы уже прошли. То, что я увидел позади, напугало меня. Два воздушных судна нагоняли нас. И как мне показалось, они травили сеть, будто собирались ловить бреднем рыбу.

– Эй! – Горло свел спазм, поэтому получился односложный выкрик.

Ляу рванула вперед, а змей со страху прыгнул на меня и сбил с ног. Мы с ним закувыркались по траве. Кошка убежала вперед, но увидев, что мы замешкались, вернулась назад.

– Беги-и-и-и! – крикнул я ей.

– Я не останусь здесь одна. Я с вами!

Воздушные суда сбросили сеть и поволокли ее по траве.

– Ложись! – приказал я и сам упал в траву.

Сеть была широкой, метров триста. Бежать в сторону было уже поздно. Я схватил Ляу за ногу и змея за хвост, чтобы удержать, если их захватит сеть. Сеть приближалась, шумно приглаживая траву. Она больно проехала по моему затылку и спине и чуть не утащила Антоша, с перепугу задрывшего голову. Его голова зацепилась в ячейке, и если бы не мой рывок, змея утащило бы.

Стадо местных животных бросило есть траву и попыталось спастись бегством. Но ума бежать в стороны у них не хватало. Они так и бежали стадом, пока их не затянуло в сеть.

– Охотнички, блин. – Я встал и отряхнулся. – Чуть сами в сеть не попали.

– Я думаю, что те останки в лесу и есть эти несчастные животные, – решила Ляу. – Только переработанные.

– Уф, хорошо, что мы догадались лечь. Кто бы там стал разбираться на скотобойне, разумные мы люди или мясо.

– Тут вообще безопасное место есть? – спросил змей таким тоном, будто это мы устроили ему экскурсию.

– Будем постигать эту науку эмпирически, – ответил я. – Впереди горы, и как мне кажется, там есть безопасное место.

– Поверим и проверим.

Кошка сделала шаг. В этот момент что-то щелкнуло над нашими головами, и в нее воткнулось темное жало. Ляу успела бросить на меня удивленный взгляд, ее глаза закатились под лоб, и она упала. Я поднял голову и увидел странное существо, похожее на космонавта или водолаза. Оно целилось в меня из трубки. Я ничего не успел. Мне в плечо воткнулось такое же жало. Я сразу почувствовал, как улетаю из своего тела.

– И мне тоже, – услышал я издали жалобный голос змея.

Глава 4

Бум, бум-бум, бум, бум-бум. Кто-то настойчиво стучал мне в черепок, в котором под-сознание в этот момент рождало яркие замысловатые галлюцинации. Стук отвлекал меня, из-за чего видения становились серыми и тревожными. В бессмысленный артхаус воспаленного сознания постепенно добавился еще один настойчивый звук, похожий на плач грудничка. Барахтаться в радуге фантазмагорического представления стало совсем некомфортно. Пришлось через силу открыть глаза.

И сразу захотелось закрыть. Галлюцинации – и те выглядели правдоподобнее. Вся наша троица неудачников-скитальцев находилась на белом песочке, рядом с сухой корягой и муляжом какого-то животного. Ляу, если я правильно интерпретировал кошачьи эмоции, ревела. Антош валялся без чувств, разинув пасть с двумя широкими резцами в передней части верхней челюсти. Прежде я не замечал, что они у него такие крупные. Раздвоенный язык вывалился и лежал на песке.

Мы находились внутри стеклянной сферы, как в аквариуме наоборот. Про себя я назвал ее азариумом. То, что за стеклянной границей была вода, я видел четко. По ту сторону плавали рыбы, а одна, крупная, размером с тунца, настойчиво колотила в стекло каким-то тупым предметом. От моей иронии по поводу разумных рыб не осталось и следа. Природа забавлялась, вкладывая разум в совершенно неподходящие для этого тела.

– Ляу, успокойся. – Я положил на ее мягкое плечико руку.

Кошка вздрогнула, повернулась ко мне и уткнулась мокрым носом в шею.

– Мне кажется, что мы попали в магазин, где продают живых млекопитающих. – всхлипнула Ляу. – У нас так рыбы продаются.

– У нас тоже. Что, клиенты подходили?

– Не знаю, всякие плавают. А этот уже давно лупит в стенку, чтобы мы проснулись. Хочет показать товар лицом.

– Что ты сразу о грустном. Может, он поговорить хочет?

– Ага, ты много с рыбами разговаривал?

– На рыбалке бывало.

– Они нас съедят. – Ляу снова упала на меня. – Я хочу, чтобы они меня убили прежде, чем начнут вынимать внутренности.

– Давай скажем, что мы ядовитые. Даю гарантию, что прежде они таких, как мы, не видели.

– Скажи. Еще скажи, что ты их бог. Может, поверят?

– Эх, остался бы у меня телефон, можно было бы разыграть представление. – Стук в стекло меня достал. Я развернулся в сторону губастой рыбы и крикнул: – Ты, придурок чешуйчатый, по башке своей постучи!

Рыба замерла, прекратив стучать.

– Спасибо.

– Он что, понял? – удивилась кошка.

– Если у него в башке есть хоть капля мозгов, то должен.

– А-а-а, у-у-у, тьфу! Тьфу! – Змей зашевелился, сплевывая с языка прилипший песок. – Меня били по голове?

– Если ты видишь то же, что и мы, то будь спокоен.

– Я вижу, вижу... – Змей попытался замереть, но его все равно водило вокруг оси, как пьяного. – Рыб?

– Точно. Разумных рыб, как ты и предполагал.

– Надо было предположить разумных бабочек. – Змей безвольно уронил тело на песок.

Кажется, он снова провалился в энергосберегающий анабиоз. За то время, что я отвлекался на разговоры с товарищами по несчастью, к аэрариуму подплыли несколько рыб. Все они походили друг на друга как две капли воды. Может быть, размеры были немного разными, но на мой человеческий взгляд я замечал это, только если рыбы находились рядом друг с другом. Самым бросающимся в глаза отличием был широкий ирокез-плавник, начинающийся между глаз и доходящий до середины туловища.

– Кто вы?

Внезапный вопрос заставил меня подпрыгнуть на месте.

– Откуда вы? Цель вашего нахождения здесь?

Формулировать так вопрос могли только существа «при исполнении». Вряд ли продавцы живой еды сподобились бы на разговоры с ней. Это уже хорошо. Значит, признаки нашего интеллекта не остались незамеченными. Нужно срочно придумать правдоподобную историю, чтобы не только остаться в живых, но и получить гарантии неприкосновенности.

– Экспедиция с далеких звезд по изучению вашей планеты и установлению контакта, – соврал я первое, что пришло на ум.

Рыбы, прикрыв микрофон, принялись советовать, пуская пузыри.

– Вы обладаете технологиями перемещения по бесконечному Океану? – раздался вопрос.

– Да. Только там не океан, а вакуум, безвоздушное пространство. – Я решил мимоходом вложить в рыбы мозги немного знаний об устройстве вселенной. Это поможет поднять наш авторитет.

– Вы точно со звезд? – засомневались рыбы.

– Почему вы спрашиваете?

– Как могут гореть звезды в безвоздушном пространстве?

– А как они могут гореть в воде? Всем известно, что огонь проще залить водой. Космос – это пустота.

– А вы можете продемонстрировать нам его?

– Э-э, вы о чем?

– Вы могли бы поднять нас на борт вашего судна и показать космос?

– Знаете тут какое дело? – Я понял, что рыбы берут меня за жабры. – Наш корабль попал в метеоритный поток и повредил двигатель. Надо его починить, прежде чем спуститься на... хм, под воду.

– Наше правительство уполномочило нас поинтересоваться: сможете ли вы поделиться с нами технологиями в обмен на любые ваши условия?

– Технологиями? Отчего же, сможем. Надо только понять, насколько вы им соответствуете и как собираетесь использовать. В общем-то, это и было целью нашего визита. Мы занимались определением возможности вступления вашей планеты в большую галактическую семью. Вначале, само собой, на условиях стажировки, а потом и полноценное вступление – с общей валютой, заводами, фабриками, общегалактическим кабельным телевидением и фотонным интернетом.

– Извините, нам нужна консультация с правительством, – сообщил динамик.

От напряжения, вызванного ответственным положением перед цивилизацией рыб, у меня на лбу выступил пот.

– Что ты нес? – спросил змей.

– Не «нес», а придумывал повод для отсрочки. Думаешь, если они поймут, что мы совершенно бесполезны, нас оставят в живых? Ни за что. Видел эти бюрократические рожи? На них написано большими буквами: «Что бы ни случилось, главное, чтобы ничего не поменялось». Народ не должен знать, что мы существуем, иначе начнет сомневаться в существовании бесконечного Океана и в том, что звезды горят в воде. Охренеть, они еще и детям в школах эту

дичь втирают. Короче, создаем видимость полезности до тех пор, пока не придумаем способ слинять отсюда.

– Куда отсюда слиняешь? – уныло поинтересовался Антош.

– Куда рыбы линяют от людей? В глубину. А мы от рыб слиняем, наоборот, в высоту, в горы.

Спустя некоторое время к аэрариуму подплыла свита, во главе которой находилась рыба с тремя шикарными плавниками-ирокезами. Судя по суете других морских обитателей, этот жаберный товарищ был большой шишкой. Грация, соответствующая статусу, и оттопыренная больше, чем у остальных, губа придавали рыбе вполне понятную для человека солидность. Мне сразу же подумалось, что при всем многообразии видов организация власти очень похожа на человеческую.

Солидная рыба повернулась одним боком и внимательно рассмотрела подвижным глазом нас всех. Затем отстегнула от экипировки какую-то палку и постучала ею в стекло.

– Нам что, надо реагировать на это? – зло спросила кошка.

– Может быть, поклониться в пояс? – пошутил я, но готов был сделать это, если нужно. Все-таки перед рыбами я виноват. Надо было бухать на рыбалке, как все.

– Внимание, президент государства Заморье господин Буррлум! – торжественно произнес микрофон.

Солидная рыба развернулась плоской мордой анфас.

– Очень приятно, ваше сиятельство. Объединенная галактическая экспедиция под управлением меня, Жоржа Землянского. – Я отвесил короткий кивок.

Ляу и Антош повторили его.

– Бросьте, что за церемонии. У нас давно республика, а я – законно выбранный президент, а не монарх. Никаких сиятельств.

– Учтем на будущее.

– Ближе к делу, господа пришельцы. Мне передали, что вы готовы поделиться с нами вашими технологиями. Ваш визит можно считать попыткой взять нашу цивилизацию под контроль или желанием подтянуть до своего уровня?

– Насчет передачи технологий торопиться не стоит. Нам важна уверенность, что вы распорядитесь ими как зрелая цивилизация.

– Какие могут быть в этом сомнения? Раз вы выбрали нашу страну, а не этих недоносков за Большой Сушей, значит, вы были больше уверены в нас.

Я отвернулся к своим товарищам:

– Они хотят, чтобы мы дружили с ними против другой страны? На этом можно сыграть.

– Подло это, – решила кошка.

– А чего подло-то, никаких технологий у нас все равно нет. Никакого баланса мы не нарушим.

– Ладно, раз уж начал врать, не останавливайся.

– Нам нужно время, чтобы принять решение. Пока же мы хотим понять вас больше. Не могли бы вы оказать нам большее гостеприимство, свозить на экскурсию, в горы например, накормить от пуза. – Я пошел ва-банк.

Никто не говорил нам, что мы пленники, поэтому можно считать себя гостями галактического масштаба и требовать соответствующего отношения.

Господин президент замер перед стеклом с открытым ртом. Рыба из свиты плавниками помогла прикрыть его. Видимо, президент был уже немолод.

– Разумеется. Я отдам распоряжение рассмотреть вашу просьбу, – заговорил президент рыбьего царства после того, как ему вправили челюсть.

– Спасибо. Мы надеемся, что в атласе планет-претендентов напротив вашей будут стоять только положительные оценки. – Я снова поклонился, возомнив себя дворцовым интриганом.

– Каком атласе? – переспросил президент. Кажется, он только сейчас начал понимать галактический масштаб ситуации.

– Таким, в который занесены все планеты, претендующие на вхождение в Лигу Наций. – В голове моей была какая-то историческая каша, смешанная с фантастическими предположениями.

– Конечно, конечно. Мы всеми силами будем стремиться.

Президент махнул хвостом и исчез в мутной воде не попрощавшись. У меня остался осадок, будто я испортил важной персоне планы. А какие у него могли быть планы? Думаю, вполне прозаические: убрать конкурента на планете и единолично править ею. Нужен ли был ему выдуманный галактический союз? Полагаю, нет. Никакие надзоры извне после победы в планы президента не входили.

– Очень хочется верить, что мы сбежим раньше, чем нас прикончат, – произнес змей.

– С чего такой пессимизм? – поинтересовалась Ляу.

– С того, что такие существа, как мы с вами, и даже этот карась над карасями, считают, что мы можем творить зло, а те, кто умнее нас, ну никак не могут, потому что зло – это плохо. Они прикончат нас в надежде, что им простят. А мы, то есть те, кто якобы стоит за нами, решим, что планету еще рано приглашать в галактический союз, и свалим, предоставив им технологии для быстрого роста.

– Ну да, для роста. Известно, что они применяют их только для преимущества в войне, – решил я. – Нам остается только делать хорошую мину при плохой игре, тянуть время и верить, что подвернется шанс для побега.

– Еще три дня назад я считала, что моя жизнь – такая драгоценная штука, – вздохнула кошка.

Я по привычке почесал ей за ухом, а она принялась мурлыкать. Мы спохватились, когда поняли, что люди не делают такие вещи без должной причины или доверия.

– Прости, я всегда так делаю кошкам... в смысле, это получилось неосознанно.

– Хватит уже сравнивать меня с животными! – Ляу гордо выпрямила спину.

– Я и не думал тебя сравнивать, просто я тренировался на кошках. Это шло от сердца, хотелось успокоить тебя. Ты же начала мурлыкать?

– Это тоже получилось неосознанно. Мне так моя мама делала, чтобы я успокоилась.

– Во, видишь! Я могу побыть твоей мамой в ее отсутствие.

– Какие же вы, теплокровные, нерациональные. Хорошо, что у нас чувства к спариванию возникают только раз в год, – мудрым тоном изрек змей.

– Что? – В глазах Ляу сверкнули молнии, уши легли назад, а губы поднялись, хищно оскалив клыки.

Змей не ожидал такой реакции. Испугался и поспешил спрятаться за корягой, прикинувшись шлангом.

– Не трогай его. – Я попытался успокоить кошку. – В нем говорит зависть. Какой нормальный человек захочет быть змеей?

– Нормальный – захочет, – буркнул из-за коряги Антош.

– Вы его послушайте! К спариванию? Тоже мне, эксперт нашелся. Ты на себя посмотри, хрен моржовый, который научился разговаривать! – не унималась кошка. – Твое счастье, что я воспринимаю тебя как равного, иначе...

– Что? Шалят инстинкты-то?

Не знаю, на что рассчитывал Антош, продолжая перепалку. Наверное, тоже верил, что по отношению к нему кошка плохо поступить не может, потому что цивилизована. Я, увидев ее в состоянии агрессии, больше в этом уверен не был. Граница между дикостью и цивилизованностью совсем не просматривалась.

– У вас все нормально? – спросил динамик.

– А, гм, да, мы просто развлекаемся, разгоняем кровь, – ответил я первое, что пришло на ум.

– Принимайте пищу.

Над головой загудел механизм. К аэрариуму причалила капсула, выбросила что-то в шлюз-переходник и отчалила. Из шлюза выкачали воду. Он открылся, и на песок упало несколько мокрых цилиндров, похожих на старые советские банки, в которых продавалась сельдь иваси. Вместе с банками упал и предмет, который после короткого консилиума приняли за открывашку. Сделан он, правда, был не под нормальные руки, а под плавники, из-за чего у нас возникло затруднение по его применению.

Ляу сообразила раньше всех. Приспособила открывашку и вскрыла банку. Под урчание желудка, предвкушающего еду, я отогнул крышку. Секунда мне потребовалась на то, чтобы понять, что я вижу. Непроизвольный рвотный рефлекс чуть не выплеснул желудочный сок на угощение. В банке плотно, как рижские шпроты, были уложены пальчики, очень похожие на человеческие. Для усиления рыбьего аппетита все это гурманское непотребство украшали хитрые завитушки из водорослей.

Ляу тоже осталась не в восторге от угощения. Может быть, из солидарности со мной. Ее хватило на то, чтобы понюхать мерзкие консервы и отложить их в сторону. Антош добрался до еды после всех. Слизнул гибким языком морскую капусту и проглотил. К пальчикам даже не прикоснулся.

– Почему вы не едите? – спросил голос из динамика.

– Мало того что вы бросили еду нам под ноги, как скоту, так вы еще думаете, что мы каннибалы? – возмутился я. – Что, если я приглашу вас в гости, а на стол поставлю стейки из семги и красную икру? Как вам такое угощение?

Ответа не последовало. Думаю, что там, за стеклом, завертелась государственная машина, согласующая действия между кучей инстанций, от чиновников до ученых, пытающихся родить правильное решение. Очевидное, конечно, на ум им прийти не могло. Надо просто спросить у меня, что я употребляю в пищу. Ученые предполагали, военные ограничивали их рвение государственными секретами, чиновники исходили из протоколов – и никогда их совместный труд не мог привести к нужному результату.

– Похоже, это какое-то проклятье, – возмутилась кошка. – Пожрать нормально в другом мире – целая проблема!

– Мы слишком разные, чтобы они считали очевидным то же, что и мы? – Мудрый змей, оправившись от страха, занял место на коряге.

– С каких это пор ты называешь нас «мы»? – спросила кошка, еще не простившая Антошу его дерзость.

– С тех пор, как нам подсунили еду, которая не нравится всем троим. Хотя пахнет она неплохо. Может, стоит попробовать?

У меня по телу прошла волна отвращения.

– Ни за что.

Через несколько часов нашего молчаливого заточения, прерываемого периодическим включением насоса, подающего свежий воздух, в шлюз снова закинули еду. На сей раз это были какие-то непонятные стебли, не обработанные термически и вообще никак не приготовленные.

– Снова не то. Мы не травоядные. Вообще никто из нас не питается таким... кормом! Мы сами хотим мяса травоядных животных, коров, овец, или всеядных свиней. Подойдет мясо птицы, жареное, печеное, отварное, на худой конец. Немного подсоленное.

– Мне без соли! – крикнула Ляу.

– И мне! И еще вареные яйца со скорлупой! – высказал свои предпочтения змей.

И снова связь с внешним миром оборвалась.

– На третий раз они решат, что нас проще убить, чем накормить. – Я взял в руки стебель, похожий на молодой кленовый побег. – А кто будет себя плохо вести, того я отшлепаю прямо по зеленой заднице.

Змей бросил на меня ядовитый взгляд, решив, что мы с кошкой окончательно спелись против него. Мне стало жалко несчастного пресмыкающегося. Я уселся на ветку рядом с ним и положил руку на его холодное тело.

– Я пошутил. Пока нас объединяет понятие «иномирцы» – мы одинаковые и должны держаться вместе, как один вид. Как дети из одной семьи.

– Правда? – Змей оторвал голову от ветки и посмотрел на меня преданными глазками.

– Абсолютная.

Ляу бесшумно забралась на корягу и села рядом с нами. Мы так и просидели долгое время, как три тополя на Плющихе, на обозрении рыбьего царства, снующего по ту сторону шоу «За стеклом».

– Вот так же в «Зоне 57» сидят несчастные иномирцы, которых люди считают инопланетянами, жрут гамбургеры, от которых у них случается несварение желудка, и думают, почему им никто не предложит перетертый хитиновый порошок, приправленный экскрементами белки-летяги. Чтоб этому Вольдемару пусто было! Чтоб он в один прекрасный момент забыл, как ходить по мирам, и застрял бы там, где миром правят дождевые черви или синегнойные палочки. Или чтобы сатиры настигли его и сделали с ним то, чего он так боится. – Стенания немного помогли мне выплеснуть раздражение.

– Вольдемар привел тебя в Транзабар? – догадалась кошка.

– Да. Я сбил ревнивца, бегущего за ним, а он отблагодарил меня таким образом. Упырь. Чтоб у него на лбу выросло то, чем он думает.

– Мышца? – спросил Антош.

– Почему мышца?

– У нас так говорят: у человека либо мышцы хорошо растут, либо мозг.

– Точно, растет у него одна мышца, одноглавая, моноцепс, мать его.

Кошка, которой физиология человека была ближе, хохотнула, догадавшись, о какой мышце шла речь.

– Я бы пожелала моему проводнику того же.

– Что, охмурил и бросил, котяра? – предположил я.

– Совершенно точно. Он так закрутил мной, что я была как не в себе, ничего не видела, никого не слышала, пока не очнулась в Транзабаре. Зачем ему это понадобилось?

– Мне тоже непонятно, для чего со мной так поступили. Причин не вижу. А ты, Антош, как очутился в Транзабаре?

– Не помню. Пьяный был. Загулял немного, глаза открыл – не пойму, куда меня занесло. А хуже всего, что вокруг меня все такие разные. Вначале решил, что умер, но потом подумал и сообразил, что похмельного синдрома на том свете не должно быть.

– Так тебя в тюрьме морозило по этой причине?

– И по этой тоже.

– Никогда не подумал бы, что такой интеллигентный на вид человек любит заложить за воротник. – До сего момента я считал змея слишком блаженным для этого.

– Почему? У нас такое считается сопутствующим грехом умного человека. Труднее оставаться равнодушным, глядя на весь бардак, который творится вокруг, и понимая его изначальную суть. Приходится создавать себе химическую иллюзию счастья.

– Слушай, а у нас пьянство зовется «зеленым змием» неспроста. Не иначе, умники из вашего мира приползали на Русь похмеляться.

– Ничего не знаю об этом. В наших исторических книгах о таком не рассказывается.

– Само собой, кто будет воспринимать бред, который несут пьяные люди. Хотя могли записывать, назвали бы «Хроники хроников», а люди сами решали бы, как к этому относиться.

– Может, и писал кто, но издадут только то, что можно продать. За бред много не выручишь.

– Н-да, в этом мы сильно отличаемся. У нас за бред платят хорошо.

Снаружи началась какая-то суета. Рыбы без лобового плавника закрутились стайками вокруг нашей сферы.

– А ты заметил, – спросила Ляу, – что чем выше статус рыбы, тем больше у нее плавник?

– Заметил. Только не пойму: они его что, удобряют? Откуда он у них берется и почему растет потом с разной скоростью? Может, это накладка?

Я хотел сделать еще несколько предположений, но резкий толчок оборвал ход моих мыслей. Нашу сферу как будто собирались сдвинуть с места.

– Хорошо бы, если они не утопить нас решили. – Кошка села ко мне поближе. – Я еще слишком молода, чтобы умирать.

Тут мне впервые стало интересно, насколько она молода.

– А что, паспорт ты уже получила?

– Ты про генетический идентификатор?

– Хм, видимо, да.

– Давно. – Она подняла руку и показала запястье, на котором сквозь шерсть виднелась тонкая полоска кожи. – Толку от него здесь ноль.

– Как и смысла от нашего присутствия, – добавил Антош.

Сферу качнуло и, кажется, она сдвинулась с места.

– Плыдем? – спросил я, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Поднимаемся, – пояснил Антош.

– Как ты догадался? – спросила кошка.

– Язык меняет цвет. – Змей высунул язык. Тот из темного, почти черного, превратился в алый.

– Не язык, а настоящий альтиметр. А если вниз пойдём, какого цвета будет?

– Фиолетовый. Особенности жизни в горах. Кровь меняет свой состав в зависимости от давления воздуха.

Снаружи загремело. Сфера завибрировала. Место контакта воды со стеклом покрылось рябью. Над головой блеснула полоска света и стала расширяться. По стенкам сферы забегали солнечные зайчики, отраженные от водной глади.

– До них дошло, что мы не животные, которых держат в неволе? – Я обрадовался тому, что нас поднимают на поверхность.

Воздух в сфере сразу показался спертым и бедным на кислород. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем мы всплыли на поверхность. Я ожидал увидеть открытое море, но мы оказались в бассейне, окруженном деревянными бортами. Сферу зацепили манипулятором за проушину на верхней части и подтянули к берегу. Кто и откуда управлял механизмом, я не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.